ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 19 (4773)
7 мая
1980 г.
СРЕДА

ГОД ИЗДАНИЯ 52-й

9 МАЯ — ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

Владимир КАРПОВ,
Герой Советского Союза

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА

ПРАЗДНИК Победы... Прекрасный, торжественный, волнующий день! Он дорог сердцу каждого советского человека особой памятью — памятью испытанного и пережитого, памятью о тех, кто пал смертью храбрых на боевых полях Великой Отечественной, памятью ран, которые болят у солдата по сей день... Он дорог нам и нашим чудесным настоящим — величием и размахом созидательного труда, новыми, благоустроенными городами, мирным небом, счастливыми улыбками детей, для которых война это только история...

К победе мы шли долгих 1418 дней. И одержали ее благодаря беззаветному мужеству и беспредельной отваге советских людей, грудью вставших на защиту социалистических завоеваний любимого Отечества, благодаря мудрому и вдохновляющему руководству ленинской Коммунистической партии.

Советский Союз и его героическая армия не только отстояли свободу и независимость Родины в самой кровопролитной из войн, но и принесли освобождение другим народам, огромной ценой избавили человечество от угрозы фашистского порабощения, выполнив тем самым свой высокий интернациональный долг.

Может ли быть более убедительное доказательство прогрессивности, прочности и эффективности новой, социалистической системы, рожденной Октябрьской революцией, чем Победа над фашистской нечистью, одержанная тридцать пять лет назад! Эта победа наглядно продемонстрировала, что если партия поднимает, объединяет, ведет за собой народ, то этот народ может вершить поистине великие дела, может разгромить врага перед которым многие народы Европы оказались бессильны!

Вот уже тридцать пять лет сияет свет нашей Победы. Минувшие годы были для нас годами невиданного в истории трудового энтузиазма, восстановления народного хозяйства, великих строек коммунизма, временем освоения целины, покорения космоса, разработки новых источников нефти и газа, строительства БАМа и сотен других замечательных событий. И все это вершилось одновременно с постоянной, целеустремленной борьбой за мир, которую на протяжении всего своего существования ведет Страна Советов.

Сегодняшние претенденты на мировое господство — американские империалисты — раскинули свои щупальца по всему земному шару. Нет, не о необходимости завоевания для себя «жизненного пространства на Востоке» трубят сейчас вашингтонские «ястребы». Выбран другой путь: объявлены зоной «жизненно важных для национальной безопасности США интересов» территории многих независимых, суверенных государств. Попирая все международные законы, без тени смущения заявляют в Вашингтоне, что, например, Иран, как, впрочем, и все ближневосточные страны, является одной из таких «жизненно важных» зон.

Ах, как бы размахнулись, как бы показывали на земле новоявленные владыки, если бы на их пути не встала наша страна, вся мощь социалистического содружества!

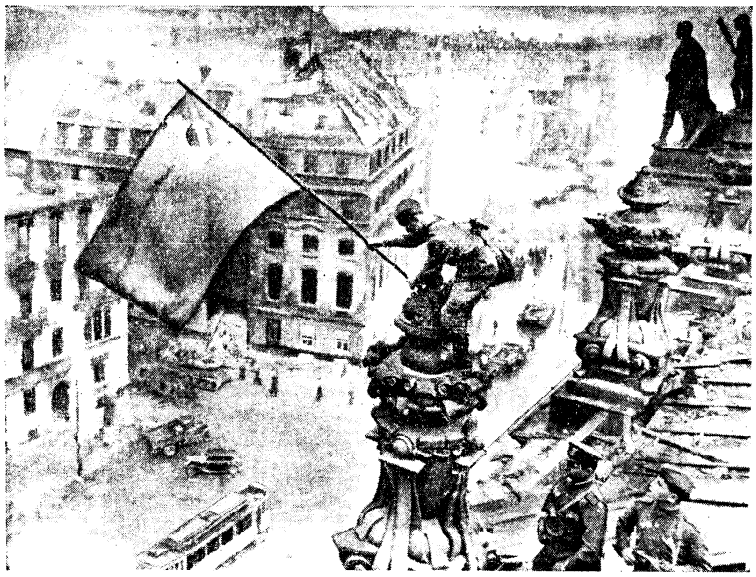
Вот уже 35 лет Советский Союз объединяет усилия всех миролюбивых государств и народов в борьбе со всеми, кто собирается зажечь пламя нового военного пожара, пытается ввергнуть в катастрофу наш прекрасный, уютный, теплый земной шар.

Народы земли с надеждой смотрят на нашу Советскую державу, упорной и настойчивой борьбой за мир в послевоенное тридцатипятилетие заслужившую всеобщее уважение и доверие. Неутомимый борец за мир, глава нашей партии и государства Леонид Ильич Брежнев сказал при вручении ему Ленинской премии: «Вся история нашей партии — это служение интересам трудового народа. Смысл всей деятельности коммунистов — борьба за счастье трудящихся. И, конечно, защита их прав и свобод, закрепленных в нашей Конституции. Весь накопленный опыт, складывающаяся международная обстановка, особенно факты последнего времени, обязывают нас держать порох сухим, быть настойчивыми и последовательными в отстаивании дела мира, помнить о своей исторической ответственности за судьбы Родины и всего человечества».

Поколение писателей нашей социалистической эпохи, наверное, самое счастливое из всех других поколений литераторов. Наше время дает невиданные примеры героизма и проявления благородных деяний удивительных человеческих личностей. Это ли не благодатная почва для создания художественных произведений, достойных своей эпохи!

Стремясь к тому, чтобы отдать все свои силы делу партии, делу народа, советские писатели активно участвуют в борьбе за мир — и творческом, и общественной деятельностью, считая эту борьбу своей первейшей обязанностью, своим священным долгом.

Берлин, 9 мая 1945 года.



РЕЙХСТАГ ВЗЯТ! Фото В. ГРЕБНЕВА

В Комитете по международным Ленинским премиям «За укрепление мира между народами»

17 апреля под председательством академика Н. Н. Блохина состоялось заседание Комитета по международным Ленинским премиям «За укрепление мира между народами».

Комитет рассмотрел поступившие предложения о присуждении международных Ленинских премий за 1979 год и принял постановление по этому вопросу.

(ТАСС)

Постановление Комитета по международным Ленинским премиям «За укрепление мира между народами»

О ПРИСУЖДЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ ЗА 1979 ГОД

За выдающиеся заслуги в борьбе за сохранение и укрепление мира присудить международные Ленинские премии «За укрепление мира между народами»:

Урхо К. Кекконену — Президенту Финляндской Республики

Ле Зуану — Генеральному секретарю ЦК Коммунистической партии Вьетнама.

Мигелю Отеро-Сильва — писателю, общественному деятелю (Венесуэла).

Эрве Базену — писателю, общественному деятелю (Франция).

Абдуррахману аль-Хамиси — писателю, общественному деятелю (Арабская Республика Египет).

Председатель комитета Н. Н. БЛОХИН (СССР); члены комитета: **Г. В. АЛЕКСАНДРОВ** (СССР), **Луи АРАГОН** (Франция), **Мирьям ВИРЕ-ТУОМИНЕН** (Финляндия), **Ренато ГУТТУЗО** (Италия), **Анна ЗЕГЕРС** (ГДР), **Кешав Дева МАЛАВИЯ** (Индия), **Сонло МАРИНЕЛЬО** (Куба), **Джеймс ОЛДРИДЖ** (Великобритания), **НГУЕН ТХИ БИНЬ** (СРВ), **Н. В. ТОМСКИЙ** (СССР), **Юзеф ЦИРАНКЕВИЧ** (ПНР), **А. Б. ЧАКОВСКИЙ** (СССР).

Урхо Калева Кекконен

Ле Зуан

Мигель Отеро-Сильва

Эрве Базен

Абдуррахман аль-Хамиси

Абдуррахман аль-ХАМИСИ,
лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»

Город моей мечты

Печальны песни моей гитары,
словно история жизни моей.
Гитара поет о спинах усталых,
о соленых слезах морей,
о детстве без ласковых рук,
о юности под кнутом,
о пыли дорог,
о боли разлук...
Протяжен гитарный стон...

Песни гитары моей печальны.
Но я сегодня сказал себе:
хочу, чтоб новая песня звучала
надеждой
в предутренней синеве,
[illegible]

Я прикасаюсь к струнам...
О, как послушна гитара,
о, как прозрачна мелодия,
трепетна и нова!
О, голоса, рожденные
от дерева и металла!
Слушай мою гитару,
радость моя, Москва!

Ветер шумит над Африкой,
тучи песка вздымая.
О раскаленный берег
медленно бьет волна.
Извивнья Лунсора,
синие скалы Синая,
минареты Каира...
Это моя страна.

Смуглое тело гитары
в оцепенении застыло.
Словно от боли нечаянной
вздрагивает струна.
Твердые губы сфинкса,
желтые воды Нила,
вольная гладь Канала —
это моя страна.

Земля пугливого лотоса,
что дышит благоухание,
родина пальмы надменной,
[illegible]

Феллахи солнечной Дельты,
каменщики Асуана,
грузчики Александрии —
это моя страна!

Москва!
Никогда не забудем тебя,
помощь твою,
дружбу твою!
Никогда не забудем тебя
в нашем краю,
древнем краю!

Я песню тебе отдаю, Москва.
Излечивается боль.
Сердце подсказывает слова.
Память полна тобой.
Ты — словно факел в небе ночном,
словно в пустыне сад.
Как маяки, над моим окном
звезды твои блестят.
Взор твой открыт, и чист, и глубок,
словно небо весной,
ты — словно свежего ветра поток,
что изгоняет зной.
В сердце моем — не забуду я! —
рядом Каир и ты.
Ты моя юность и зрелость моя,
город моей мечты!

Перевел с арабского

С ПЕРВЫХ ДНЕЙ НА ФРОНТЕ

ПАМЯТЬ СЕРДЦА — САМАЯ СИЛЬНАЯ САМАЯ ПРОЧНАЯ... ПАМЯТЬ СЕРДЦА ЗАСТАВЛЯЕТ НАС ВНОВЬ И ВНОВЬ ВОЗВРАЩАТЬСЯ К ПЕРЕЖИТОМУ — К ГОДАМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ...

ПИСАТЕЛИ, КОТОРЫМ МЫ СЕГОДНЯ ПРЕДОСТАВЛЯЕМ СЛОВО, С САМЫХ ПЕРВЫХ ДНЕЙ ВОЙНЫ БЫЛИ НА ФРОНТЕ, УЧАСТВУЯ В БОЯХ, ОНИ СВОИМИ ГЛАЗАМИ ВИДЕЛИ, КАК РУШАТСЯ ГОРОДА, ДЫМЯТСЯ ПЕПЕЛИЩА СОЖЖЕННЫХ СЕЛ, ОНИ ПЕРЕЖИЛИ И ГОРЕЧЬ ПОРАЖЕНИЙ, И РАДОСТЬ НАСТУПЛЕНИЯ, И СЧАСТЬЕ ВЕЛИКОГО ДНЯ ПОБЕДЫ.

РАССКАЗЫВАЮТ ВЕТЕРАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПИСАТЕЛИ О. СМИРНОВ, Ю. ЗБАНАЦКИЙ, Л. РЕШЕТНИКОВ, И. СТАДНЮК, Д. МУЛДАГАЛИЕВ, А. БАЛОДИС, В. РОЗОВ, Ц. СОЛОДАРЬ, К. КУЛИЕВ, А ТАКЖЕ ХУДОЖНИК О. ВЕРЕЙСКИЙ И АРТИСТ Ю. НИКУЛИН.

стр. 3, 4, 5, 7, 8

АРМИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ, АРМИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ

АНКЕТА «ЛГ»

На вопросы праздничной анкеты «ЛГ» отвечают видные советские военачальники, герои Великой Отечественной войны: Маршалы Советского Союза И. БАГРАМЯН, К. МОСКАЛЕНКО; Адмирал флота Советского Союза С. ГОРШКОВ; генералы армии В. ТОЛУБКО, П. БАТОВ; генерал-полковник танковых войск Д. ДРАГУНСКИЙ; генерал-майор авиации А. АЛЕЛЮХИН.

стр. 10–11

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

После первого боя. 1943 г.

Мгновения тишины. 1944 г.

Свежий номер газеты. 1942 г.

Фото Б. ЯРОСЛАВЦЕВА

Говорят лауреаты международной Ленинской премии

Эрве БАЗЕН:

«ОГРОМНЫЙ РЕЗОНАНС СЛОВА»

Наш корреспондент в Париже Л. Замойский встретился с Эрве Базеном, когда французский писатель только что узнал о присуждении ему международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

— Я рад и благодарен, что мне оказана столь высокая честь, — сказал Эрве Базен. — В движении борцов за мир я участвую уже тридцать лет. Советские читатели знают, что многие мои книги посвящены проблемам современной семьи. Но вряд ли их можно отделить от эволюции общества, в котором мы живем. Поэтому романы, написанные мной, имеют совершенно четкую социально-политическую окраску и, можно сказать, в той или иной степени связаны с проблемами сохранения мира. В этой связи хотелось бы повторить мысль, высказанную мною еще на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве в 1973 году, но, думается, не утратившую актуальности, — благополучие человека прямо зависит от углубления процесса разрядки, от соблюдения принципов мирного сосуществования.

— Как вы представляете себе позицию и задачи писателя в современном обществе?

— Конечно, писатель должен отражать то, что переживает и видит, но при этом важно не оставаться безразличным. Он должен критически оценивать то, что ему не нравится в обществе, бичевать такие пороки, как несправедливость, неравноправие, низость и подлость. Так я понимаю свои задачи в той обстановке, в какой живу.

Творчество писателя, на мой взгляд, является видом общественной деятельности. Впрочем, могут сказать: разве совершаешь действие, написав книгу? Просто рассказываешь историю. Но ведь писатель не только берет определенный сюжет, вводит в него персонажи, соответствующие замыслу, он и ведет за собой читателя. Вот, например, как родился замысел известного советским читателям романа «Огонь пожирает огонь». В его основу я положил рассказанную мне историю, которая в действительности произошла в фашистской Германии в конце войны. Но действие романа происшествие в Чили наших дней. И сделал это совершенно сознательно, поскольку на имею сомнений в идейном родстве, если можно так говорить, о людоедских воззрениях, гитлеровского нацизма и фашизма в его пиночетовском варианте.

— Над чем вы работаете в настоящий момент?

— В основном над тремя романами. Пишу продолжение уже знакомой советскому читателю «Супружеской жизни», которое хочу назвать «Школа родителей». Другой роман посвящен роли денег в мире капитала. Работаю также над продолжением романа о семье Резо.

Пожалуй, упомяну еще о «Словаре». Долгие годы по самым различным поводам я писал заметки и располагал их не в хронологическом порядке, а по алфавиту, в зависимости от названия темы. Эта книга является как бы бортовым журналом моей жизни. В ней будут воспоминания о Пабло Неруде, о Сартре...

Наконец, пишу поэтические памфлеты о жизни современного общества. Этот цикл я назвал «Молитвы, обращенные к матери-цивилизации».

— Как вы расцениваете современную международную обстановку?

— Она меня чрезвычайно беспокоит. Мир вновь поворачивается к «холодной войне». Мы, борцы за мир, делаем от того, чтобы отождествлять его с простым отсутствием военных действий. Мир — это ведь необходимое условие для борьбы с несправедливостью, неравноправием, порабощением. Я не случайно почти в тех же словах вновь повторяю то, что уже говорил в своем выступлении на Международной конференции писателей в Софии в 1977 году. Ведь в нынешней ситуации, полной опасностей, вызванных очередным витком гонки вооружений, как никогда, значимы совесть писателя, его причастность к главным проблемам эпохи, высокая ответственность и огромный резонанс его слова. Судите сами: в то время, когда примерно миллиард людей на земле находится в бедственном положении, нуждается в пище, одежде, лекарствах, землю продолжают наводнять атомным оружием, хотя и без этого накопленный арсенал может дважды и трижды уничтожить все живое...

Пример — американские ракеты, которые предполагается разместить в Западной Европе. У меня эти планы вызывают особенный протест: американцы разобщили свой чудовищный эгоизм, подставив под удар европейских союзников и предпочитая в первую очередь пожертвовать ими в случае ядерной войны.

Все это сопровождается в высшей степени лицемерной шумихой, рассчитанной на разъединение народов. Я неоднократно бывал в Советском Союзе и многих других странах. Эти поездки вызвали у меня большое уважение к другим социальным системам, которые сделали культуру общедоступной для народа.

Я выступаю за широкие международные контакты в культурной области. Если не знаешь, что происходит в других странах, отказываешься от встреч и бесед, не интересуешься культурой других народов, то как можно оценить то, что представляет в действительности наш мир и происходящие в нем события? Культурное общение — это основа взаимопонимания, а следовательно, и укрепления мира между народами.

Мигель ОТЕРО-СИЛЬВА:

«ВОСХИЩЕНИЕ И БЛАГОДАРНОСТЬ»

По просьбе «ЛГ» корреспондент ТАСС Е. Алексеев беседовал в Венесуэле с поэтом, романистом и публицистом Мигелем Отеро-Сильвой.

— Я испытываю сейчас глубокую радость и гордость,— сказал Мигель Отеро-Сильва.— Ведь премия, которой я удостоен, носит имя Ленина, величайшего революционера, самого крупного мыслителя, какого когда-либо знало человечество, она учреждена во имя укрепления солидарности всех людей земли, во имя мира во всем мире. Я хорошо понимаю, что дело не в моих скромных личных заслугах писателя и борца за мир, что столь высокой наградой отмечен главным образом вклад моего народа, народов Латинской Америки в борьбу против угнетателей и эксплуататоров. Прогрессивная интеллигенция латиноамериканских стран всегда играла и играет заметную роль в движении за свободу, независимость и справедливость. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в почетный список лауреатов международной Ленинской премии внесены имена Ласаро Кардениса Сальвадора Альенде, Пабло Неруды, Мигеля Анхеля Астуриаса, Николаса Гильена, Жоржи Амаду, Давида Альфаро Сикейроса...

— Каково, на ваш взгляд, роль писателей в современном мире?

— Мы должны отдавать свой писательский талант созданию таких произведений, которые разоблачают несправедливость и воспевают тех, кто героически против нее борется. Это значит, что настоящий писатель обязан быть достойным своего дара художника-творца, обязан бороться за светлое будущее человечества. Его гражданская позиция, все творчество могут и должны служить прогрессу на земле.

— И эта позиция находит отражение на страницах ваших произведений...

— Для писателя нет ничего труднее, чем самому судить о своих книгах. Скажу только, что я стремился выразить протест против несправедливости и эксплуатации человека человеком. На мой взгляд, главными качествами художника должны быть искренность и естественность. Я всегда старался, чтобы в моих книгах прозвучали высокие идеи мира, свободы и прогресса.

— Современность, социальные темы всегда занимали главное место в вашем творчестве. Но в последнем произведении вы ведь обратились к событиям древней истории?

— В последнем романе «Лопе де Агирре, князь свободы» я пытался воссоздать образ поражавшего с испанской короной конкистадора, которого церковные историки и монархисты объявили низким преступником, старательно замалчивая, что он был провозвестником независимости Латинской Америки. Я хотел исправить эту историческую несправедливость. Поэтому по своей разоблачительной сути книга, по-моему, стоит в одном ряду с предыдущими работами.

— Почти все ваши книги были опубликованы в СССР и пользуются у нас в стране большой популярностью. Что вы хотели бы передать своим советским читателям и друзьям?

— Самое яркое впечатление от двух поездок в СССР — убеждение в том, что Страна Советов ненавидит войну и стойко борется против нее. Непоколебимая миролюбивая позиция Советского Союза, отстаивающего право на жизнь для всего человечества, снискала ему дружбу и уважение народов всех континентов. И я лично не могу не выразить восхищение и благодарность вашей великой стране, играющей выдающуюся роль в борьбе за прочность мира, ибо ужасы новой войны поставили бы под угрозу и существование моей родины, и жизнь моих детей, и судьбу моего писательского труда. Своим читателям и друзьям в СССР я желаю прежде всего мира — ведь он так необходим, чтобы строить на земле новое общество, основанное на равноправии всех людей, на принципах научного социализма.

35 лет со дня освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков

Ян КОЗАК,
председатель Союза чехословацких писателей

ГОРИЗОНТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ лет прошло со времени освобождения Чехословакии от фашизма, и год от года с тех пор крепнет наша дружба с Советским Союзом. Существенный вклад в упрочение этой дружбы вносят писатели обеих стран.

Литература современной Чехословакии — подлинно социалистическая по своему духу и зрелая в художественном отношении, а потому действенная. Благодаря своему гуманистическому пафосу она не только раскрывает и в художественной форме воплощает параметры нашего сегодняшнего бытия, не только отображает нашу нынешнюю жизнь и дела нашего современника, но только показывает его моральную силу и величие характера, но и самым непосредственным образом вдохновляет его общественную активность.

Главная тема социалистической литературы — человек. Человек и его место в обществе, в мире, человек и его ответственность. Наша литература стремится воздействовать на поступательное движение своего народа и — одновременно — на всего социалистического содружества. Она поддерживает неустанную, каждодневную борьбу партии за духовное богатство человека, за полное, всестороннее развитие его личности, борьбу за мир, дружбу и сотрудничество между народами, за социализм и коммунизм.

Естественно, что в своем стремлении выполнить ответственную миссию, возложенную на литературу в социалистическом обществе, мы опираемся прежде всего на тесненшее единение с советской литературой, единение жизненно важное, не сводимое лишь к внешним контактам и формальному сотрудничеству, а основанное на глубокой идейной общности. Ведь мы прекрасно знаем, какую огромную вдохновляющую роль сыграла советская литература на решающих, исторических этапах борьбы наших трудящихся за социалистическое развитие чешского и словацкого народов, какое исключительно сильное, очистительное влияние оказала она на нашу литературу. Эту великую традицию, истоки которой уходят в 20—30-е годы, мы сейчас широко используем и всесторонне развиваем. С полным правом мы можем сказать, что советская литература стала сейчас поистине важнейшей составной частью нашей духовной жизни. Сегодня у нас нет ни одного культурного человека, который бы не был знаком с ее лучшими достижениями. За тридцать пять лет по-чешски и по-словацки выпущено свыше десяти с половиной тысяч произведений русской и советской беллетристики.

В свою очередь чешская и словацкая литературы завоевывают все более широкое признание советского читателя. Показателен успех выходящей на русском языке «Библиотеки литературы ЧССР», насчитывающей уже 17 томов. Перевод произведений наших прозаиков и поэтов на русский, являющийся одним из самых влиятельных международных языков, открывает чехословацкой литературе путь к читателям и в других странах.

Последние два года оказались едва ли не самыми плодотворными в истории чехословацко-советских литературных отношений за послевоенный период. Прошли Дни советской литературы в Чехословакии и Дни чехословацкой литературы в СССР. Мы организовали их по взаимному согласию в возможно более широком масштабе, и они вызвали чрезвычайный и искренний интерес тысяч и тысяч людей, участников читательских конференций, проведенных в крупнейших библиотеках и непосредственно на предприятиях. В период подготовки этих Дней вышел целый ряд новых книг, в журналах появились новые имена молодых талантливых писателей, были опубликованы сотни стихотворений и прозаических произведений. Дни стали подлинным праздником братства чехословацкой и советской социалистических литератур, дружбы и сотрудничества наших народов, новым этапом единения в осуществлении великой интернациональной художественной миссии искусства слова.

Во время Дней чехословацкой литературы в октябре прошлого года на совместном заседании в Москве правлений наших союзов мы дали высокую оценку итогам сотрудничества, а также указали на новые возможности его развития, на некоторые до сих пор не решенные проблемы, касающиеся, в частности, подготовки переводчиков, отбора произведений для перевода и их пропаганды. Сейчас появилась необходимость и возможность создать общую комиссию обоих союзов для сотрудничества в области перевода и издания художественной литературы. Ее задача будет состоять в ежегодной оценке отбора переведенных книг и в рекомендации важнейших новых произведений к изданию. Я думаю, что это будет способствовать улучшению обмена литературными ценностями между нашими странами.

Что сказать в заключение? Мы рады, что Дни нашей литературы предваряли состоявшийся потом большой праздник Дней культуры ЧССР в Советском Союзе. Мы будем стремиться сделать все для того, чтобы обогатить жизнь новыми, глубоко правдивыми, одухотворенными социалистическим гуманизмом произведениями. Литература — это оружие в борьбе за духовный расцвет человека, за его благополучие, за свободу трудящихся во всем мире. Литература — это оружие прогрессивных сил человечества, борющихся за мирное сосуществование и взаимопонимание между народами. И нынешняя эпоха открывает новые горизонты сотрудничества стран социализма в области культуры.

Мирослав ФЛОРИАН

Матерям космонавтов

Доверив сыновей космическим снарядам,
вы молча провожаете их взглядом.
Шаталов, Ремек, Ян и Николаев
вас узнают в морщинах Гагарина,
в прожилках рек, и каждый белый волос
в полете видят, как на ниве колос,
и где-то далеко, на небосклоне
читают летопись дрятающих ладони,
той, что бывала в саже или в мыле,
с которой в небо жаворонком взмыли.
Руками материскими Насмы,
они впервые стали невесомы.
А матерям разлука тяжелее.
Сжимает, давит шею ожерелье.
Дух затаив, жнаю изаиньо
для сына бережет свое дыханье.
Вам и всплакнуть никто не возбраняет...
Пред вами солнце голову склоняет.

Маша ГАЛЯМОВА

Молодая улица

Мне говорит земля:
выйди на улицу,
новую, молодую,
улицу Февраля!

Дома —
разноцветные ульи.
Занавески и решетка балкона
заслоняют окна
от света неона.

Созвездия
детских колясок —
соцветья
анютиных глазок.

В каждый вечник
мать по утрам
с улыбкой кладет
карапуза.

Выступает гордо,
сияет от счастья —
с миром нет
драгоценнее груза.

Не засыпьте его огнем,
камнями и серой!

Любомир ФЕЛЬДЕК

Невеста

Запах сена такой густой
и такой прямый,
словно невеста с фатой
прошла полянкой.

И поляна себе
не находит места:
может быть, и она
тоже невеста.

Перевел Олег МАЛЕВИЧ

«ОТКРЫВАТЬ ИСТИННУЮ КРАСОТУ...»

НАД БРАТИСЛАВОЙ, на горе Славин, на мемориальном кладбище лежит шесть тысяч восемьсот сорок семь наших земляков, павших в боях за Братиславу в первые апрельские дни 1945 года. Здесь, над городом, мне вспомнились стихи старейшего словацкого поэта Андрея Плавки «На Славине».

В Братиславе мне довелось однажды слышать разговор поэта с Йозефом Ленартом. Они говорили о новых произведениях словацких писателей, о молодой творческой поросли. Это понятно: ведь Андрей Плавка возглавляет писательскую организацию республики. Первый секретарь ЦК Компартии Словакии, член Президиума ЦК КПЧ, обращаясь к поэту, уважительно называл его мастером...

Недавно я встретился с Андреем Плавкой по заданию вашей газеты. Он живо поднялся из-за стола, вышел мне навстречу. Со стеклянной вдоль стен на нас смотрели сотни книжных переплетов. Так и подумалось по привычке спросить: сколько у меня времени на интервью? Но спокойное лицо мастера, неторопливые движения, легкое покашливание и терпеливое, доброжелательное молчание настроили на совсем другой ритм разговора.

— Несколько лет назад был на юбилее Шолохова в Москве. Много народу собралось, — неожиданно начал Андрей Плавка. — А он все спешил обратно к себе, в Вешенскую. Я его понимаю. Я тоже лучше дышу, чем в родных горах. С годами стал новиться более зорким. Парадоксально — зрение теряешь, а зоркость приходит. Поэтому я от лирики и перешел к сатире, хотя многих это удивляет и даже нервирует...

— Когда поэт накопил большой жизненный опыт, — продолжал Плавка,— он должен громко говорить о любви, о дружбе, без которых была бы мертва наша планета, он обязан открывать людям истинную красоту этих вечных чувств с высоты своего поэтического долголетия. Именно за это я полюбил Степана Щипачева, Николая Тихонова, Константина Симонова. Они были моими друзьями. Больно, что теперь их нет в живых. Но живет их прекрасная поэзия, раскрывает глаза на мир молодой смене, облагораживает юные сердца, воспевая подвиг тех, кто дрался с фашистами за свободу, за мир и любовь и победил. Я частенько вспоминаю встречи с Борисом Полевым в 1944 году в Банска-Быстрице, ставшей тогда центром Словацкого национального восстания...

Как только Андрей Плавка коснулся самой заветной струны своей памяти — боевой молодости, его лицо будто просветлело. Именно тогда, в дни антифашистского восстания, он вступил в ряды КПЧ, написав поэтическое «Заявление в партию».

Я говорю поэту о популярности его произведений, и особенно военной лирики, в Советском Союзе.

— Вы читали мою поэму «Три воды» — о Словацком национальном восстании? — спрашивает он, оживляясь. — Помните, там есть слова о том, как ждал наш народ своих освободителей — советских воинов, как звали наши патриоты: «Мы социализм у себя построим, как в Стране Советов». И я счастлив, что дожил до светлых дней, когда эта мечта сбылось...

Он произнес патетические слова по-человечески просто и убедительно, а я вспомнил рассказ одного знакомого писателя о том, как в сложных условиях 1968 года, когда творчество Андрея Плавки за высокую гражданственность некоторые критики объявили анахронизмом, он продолжал оставаться самим собой. В 1969 году партия поручила ему возглавить Союз словацких писателей, и он сумел сплотить здоровые литературные силы республики на интернациональной, социалистической платформе, объединить своих единомышленников, привлечь на свою сторону писательскую молодежь.

Теперь Андрей Плавка с удовольствием рассказывает о новых произведениях своих маститых коллег — Мирослава Валека, Павла Койца, Милене Руфусе, о молодых поэтах, заявивших о себе первыми книгами, — Андрее Чильяке, Яне Гивешевой, Божене Трилецовой, о новинках словацкой прозы, среди которых выделяется роман Петера Яроша «Тысячелетняя пчела», посвященный истории трудового люда Словакии, о проблемах литературной критики и недостатках литературоведческих работ, которые отстают, по его мнению, от требований времени.

Свой новый поэтический сборник он назвал «Горечи», очевидно, желая еще раз напомнить о корнях своего творчества, уходящего глубоко в народную мудрость. Рукопись уже сдана в издательство «Словенски списователь». В ней — философские раздумья большого поэта о чести, о счастье, о дружбе и любви, о жизни и творчестве.

Андрей Плавка прочел с машинописного листа несколько небольших стихотворений. Потом отложил рукопись в сторону, прикрыл ее ладонью и сказал:

— Теперь я отдаю это на суд читателей и буду с волнением ждать их отзывов, потому что своим творчеством всегда стремлюсь служить народу. На днях начинаю работать над повестью о родном крае, о встреченных на дорогах моей долгой жизни добрых и честных людях, которые достойны того, чтобы написать о них хорошую, большую книгу.

Вл. МИХАЛЬЧЕНКО,
корр. ТАСС — специально для «ЛГ»

БРАТИСЛАВА

С ПЕРВЫХ ДНЕЙ НА ФРОНТЕ

Олег СМИРНОВ

СОРОК ВТОРОЙ, ЛЕТО...

ФРОНТОВАЯ память перенасыщена сценами, где стреляют и убивают. Но врёзались, как осколок под лопатку, и воспоминания, вроде бы не связанные с боями и вместе с тем — о войне.

Считается, что тяжелейшим в Великой Отечественной войне было лето сорок второго года, когда гитлеровская Германия нанесла подлый, вероломный удар и наши войска отступали дальше и дальше на восток. А в моем представлении самым трудным было лето сорок второго, и вот почему. В сорок первом, несмотря на все наши неудачи, мы в конце концов остановили врага, нанесли ему сокрушительное поражение под Москвой. Но настало лето сорок второго, и снова — горечь отступления...

Нещадное августовское солнце, давит жара, жажда склеивает губы, пыль забивает глотку. Скрипят подводы, к которым привязаны надрывно мычащие коровы, на подводах, на узлах — женщины, дети, старики. Как и год назад, никнут неубранные хлеба, там и сям исполосованные скатами, время от времени где-то у горизонта ухают пушки — и гражданский люд убыстряет движение.

Идущие здесь же, по шляху, войсковые колонны шага не убыстряют, но тоже прислушиваются к канонаде. Я веду своих солдат по обочине, гляжу под ноги и думаю: «Протопали донские степи, потом кубанские, топаем уже по ставропольским. Отдаем Северный Кавказ, мою родину, что-то с отцом и матерью? Гитлеровцы рвутся в Закавказье и к Волге, это ясно. Не вышло в центре фронта, теперь пытаются на юге... Где и когда остановим?»

На хуторке, подле колодца, наше подразделение расположилось на короткий привал: перематывали портянки, ополаскивались, пили, пополняли фляжки. Под шелковицей я увидел худого сивочубого казака, сидевшего за врытым в землю столиком: нога в чувяке подогнута, вместо другой — деревяшка. На столике — бутылка водки и граненый стакан, казак отпивал из стакана, плакал и повторял глухо:

— Пропале Россия... Пропале Россия...

Слезы, мутные и обильные, встревали в щетине, стекали по морщинам. Он годился мне в отцы, но я сказал ему в ответ:

— Папаша, откуда это взял?

Он поднял на меня трезвый взгляд:

— Оглядись, ежель не слепой котенок...

— Россия никогда не пропадет! — сказал я, со злостью выбивая пылюку из пилотки.

Казак сожалеюще усмехнулся:

— Что ты понимаешь, молокосос? Жизни не нюхал... Горилки, и той небось не нюхал? А? Можа, выпьешь со мной? Можа, лучше с того поймем друг дружку?

И тут я, юноша, как говорится, из интеллигентной семьи, не знакомый с алкоголем, рубанул:

— Выпьем!

Полстакана обожгли рот, сбили дыхание, шумнули в голове, и я вдруг заплакал. Плакал и повторял сквозь слезы свое:

— Россия никогда не пропадет...

Я повторял это, ибо свято верил: мы смертны, Родина — бессмертна, и, каким бы отчаянным ни было положение, она выстоит. Она вечна!

Я умыл свое чумазое лицо, подпоясался туже, поправил на ремне винтовку. Пожал казаку заскорузлую, мозолистую ладонь и оставил его под шелковицей, за врытым в землю дощатым столиком. А сам повел отделение — двадцатилетний сержант во главе сорокапятки бойцов.

Потом были баталии, были страдания и гибель. Советские воины бились насмерть, и были Новороссийск и Сталинград, Курская битва и Белорусская операция, а там пошли польские да немецкие земли, в там достелось повоевать и против милитаристской Японии. Много чего досталось, но за грохотом сражений непрерываемо пульсировала мысль: верю в счастливую судьбу Родины — и потому вперед!

Вера помогла жить тогда, в огненные годы. Она вооружает нас и сегодня. Может, оттого и припомнилась нынче та встреча на хуторе, летом сорок второго.

О. Смирнов. 1942 г.

Ю. Збанацкий. 1943 г.

И. Стаднюк. 5 мая 1942 г.

А. Балодис. 1942 г.

Л. Решетников. 1944 г.

Д. Мулдагалиев. 1945 г.

Юрий ЗБАНАЦКИЙ,
Герой Советского Союза

«ДАЕШЬ КИЕВ!»

ВЕРА в Победу, не оставлявшая ни на миг каждого советского патриота, являлась той силой, которая, подобно сказочной живой воде, укрепляла волю, помогала каждому моему соотечественнику совершать удивительные дела.

Миллионы патриотов на временно оккупированных советских землях не склонили перед врагом головы. Не признали его власти над собой, тысячи и тысячи из них поплатились за это жизнью. И не было страха в их глазах, когда со словами «Да здравствует Родина, да здравствует Победа!» они падали под вражескими пулями. Уходя в бессмертие, они знали — умирают непобежденными.

Каждый из нас, участников и свидетелей тех величайших событий, по-своему встретил великий День Победы. А путь к ней был нелегок.

Никогда мне не забыть сентябрьского утра на берегу отвоеванной партизанами тихой украинской реки Десны, того незабываемого момента, когда к ее берегам возвратились советские воины. Встреченная партизанскими разведчиками где-то под Нежином, передовая разведрота лейтенанта Абдулазиза Юлдашева вышла не важный рубеж, форсировала при помощи партизан Десну и устремилась к Днепру.

Днепр в те дни был на устах каждого советского воина: «Даешь родной Днепр, даешь Киев!» — звучал боевой лозунг фронтов и армий. К вечеру передовая разведрота прошла сквозь партизанский край и форсировала Днепр. Началась величайшая эпопея на берегах Славутича, началась битва за столицу нашей республики, любимый всеми народами страны древний Киев.

Для нас, партизан, упорно удерживавших до прихода советских войск какую-то частицу Днепра, Десны и Припяти, день выхода Советской Армии к великой реке трех братских народов был одним из счастливейших дней жизни. В родные села и города, пусть изувеченные и испепеленные, возвращались из партизанских лесов люди, начинали сеять озимые, отстраивать родные жилища. И не было никаких сомнений — больше сюда не ступит вражеская нога.

После Днепра еще были и Днестр, и Дунай, и Висла, и Одер, было еще много героических дней Великой Отечественной войны, и каждый из них вел к Победе...

День Победы всегда будет светить человечеству ясной и счастливой звездой. За него мы заплатили дорогую цену.

КИЕВ

Леонид РЕШЕТНИКОВ

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ВОЕННЫХ ДОРОГ

...В ДЕКАБРЕ сорок первого, уже повоевавший в качестве артиллерийского разведчика-наблюдателя под Ельней, там же раненный, через две месяца поставленный на ноги, снова воевавший — уже в качестве связиста танковой бригады под Москвой — и выводенный из боя с остатками части для пополнения, я неожиданно оказался в Москве.

Это была моя первая встреча со столицей. Чувства, переполнявшие меня в тот миг, дополнялись предощущением первой в моей жизни встречи с поэтом: я был отпущен в увольнительную для того, чтобы показать написанные еще летом в госпитале стихи А. Суркову, служившему тогда, как можно было понять из армейской печати, в газете Западного фронта «Красноармейская правда».

Я увидел человека, похожего на многих моих командиров и комиссаров, людей, давно мне понятных и близких. И дело было вовсе не в том, что он был в командирской форме со знаками отличия старшего батальонного комиссара. Дело было в самой сути, в том, что волновало его, как он думал о той жизни, которой жили тогда все мы, и своем долге перед нею.

Он был известным поэтом. Я — только-только начинал. Я был солдатом, он — старшим офицером. Мне шел двадцать первый год, ему — сорок второй. Однако он был со мною, да и остался впоследствии на «вы». Тем не менее, расставшись с ним тогда и думая о том, кого же он напоминает мне всего более, я, помню, решил — отца.

Сурков был, как и все мы тогда, воодушевлен первой нашей победой под Москвой. Много писал. Много выступал на заводах и в частях. Охотно читал. Стихи его о первой нашей расплате с врагом, о первом нашем воинском успехе не сходили с газетных страниц. В кинотеатре шла хроника, в которой шагавшие на запад бальтаньи лыжников в белых маскхалатах распевали:

Смелого пули боятся,
Смелого штык не берет.

Позднее я видел его и другим. Усталым и сдержанным — летом сорок второго, когда он только вернулся с Дона, откуда началось наступление немцев на Сталинград. Непримиримо требовательным — осенью того же года, когда я снова встретился с ним в Москве, только что приехав из-под Ржева, с тетрадкой довольно безрадостных стихов. Он не принял их, сказав, что сейчас они не к времени.

Но в ту первую встречу в декабре сорок первого — начале сорок второго он был подвижен, деятелен, доброжелателен.

Благодаря вниманию и помощи А. Суркова появились подборки моих стихов в «Красноармейской правде», цикл «Дневник войны» в «Знамени», одиннадцать стихотворений в книжечке «Фронтовые стихи».

...Снова уезжая с получившей пополнение частью на фронт, трясясь в теплушке на усталых соломой нарах и поглядывая в полуотворенную дверь на Мартовский денек, на первые проталины среди серого снега и шлака, на перекоряженные у обочины пути обрывки рельсов и обломки вагонов, я огрызком карандаша писал посвященные А. Суркову стихи:

Свято верю я в то,
Что мы встретимся снова
На глухом перекрестке
Военных дорог,
Ель — желанной того —
У перрога подлога,
Пыль походов стряхнув
С побелевших сапог...

Я прощался с Москвой, с первым встретившимся в моей жизни поэтом, не подозревая еще о том, какие новые ждут меня на бесконечных дорогах войны встречи и расставанья. С солдатами и командирами, делившими со мною и все превратности воинской судьбы, и последний кусок хлеба. И с поэтами — Твардовским, Малышко, Лукониным, Наровчатовым, — одни из которых стали впоследствии моими друзьями, другие — учителями. Стали и остались навсегда. С тех давних грозных и незабываемых дней — до дня сегодняшнего.

НОВОСИБИРСК

Джубан МУЛДАГАЛИЕВ

ЕГО ЗВАЛИ ТЕМИР МАСИН

Я УШЕЛ в армию за год до начала войны. Первое же утро — утро 22 июня 1941 года — встретил на нашей западной границе в должности заместителя политрука гаубичной батареи, входившей в состав танковой дивизии И. Д. Черняховского.

Хочу назвать нечто вымененное мной из огня войны как основное. Это не локальное событие, не впечатление и даже не чувство. Это сознание своего народа как непокоримой силы, силы добрей, гуманной и суровой, если речь идет о судьбе Родины, о всем том, чем мы живы и счастливы.

Сегодня, в канун Праздника Победы, я хочу рассказать об одной из людских судеб, через которые я шел к пониманию своего народа.

Во время большого наступления наших войск в Белоруссии я, тогда фронтовой журналист, догнал передовую часть и попросил направить меня в особо отличившееся подразделение. Мне назвали какую-то роту, помогли добраться в ее расположение. Первое, что бросилось в глаза, — все, абсолютно все бойцы этой роты были награждены орденами Славы. Помню, я написал тогда очерк «Слава, рожденная в бурях», который был опубликован в газете «Фронтовая правда». Но еще долго желал, что мне не удалось встретиться с командиром роты — казахом капитаном Темиром Масиным, человеком отчаянной храбрости, достойным сыном своего народа. Может быть, со временем я забыл бы имя, фамилию этого капитана, если бы через полгода, зимой сорок пятого, мне не попалась на глаза газета, из которой я узнал о присвоении Темиру Масину звания Героя Советского Союза...

Летом 1945 года, через месяц после Победы, в одном из немецких городов мы с товарищем-журналистом остановили прямо посреди улицы казаха, капитана Советской Армии, спокойный вид которого привлек наше внимание среди сновно бы затаившихся в тревоге домов. Разговорились. Кто бы мог подумать — это и был Темир Масин, теперь комендант немецкого города.

Больше того, выяснилось, что мы с ним земляки, оба из Уральской области! Но и на этом неожиданности не кончились. Я жадно расспрашивал Масина обо всем, что выпало на его долю, а сам незаметно рассматривал его награды, заметив краем глаза, что и мой товарищ занят тем же самым. Но что это?! Звезды Героя Советского Союза на кителе Масина не было... Мы спросили капитана, почему он не носит столь высокой награды? Масин смешался и растерянно уставился на нас. Он явно не понимал, о чем идет речь. Оказалось, мы были первыми, кто сообщил капитану о том, что ему присвоено звание Героя Советского Союза. После ранения он попал в другую часть, затем снова был ранен, снова воевал, и — такое на войне случалось — награда никак не могла найти героя на запутанных фронтовых дорогах.

Демобилизовавшись, Темир Масин вернулся на Родину и был избран вторым секретарем Тайпакского райкома партии. А вскоре после этого, когда, казалось бы, все беды уже миновали, случилось непоправимое... На территории района вспыхнул пожар. Темир Масин, не раздумывая, кинулся спасать окруженных огнем людей и погиб...

Вот одна из людских судеб, которые хранит и будет хранить моя память.

АЛМА-АТА

Иван СТАДНЮК

СЛОВО О БРАТСТВЕ

ПЕРЕД моими коллегами по армейской газете «Мужество» у меня имелось одно малозначительное преимущество: я оказался в редакции единственным кадровым военным. Но в коллективе, сложившемся в большинстве из опытных журналистов, мне поначалу было нелегко. Давало себя знать то обстоятельство, что я закончил украинскую десятилетку и перед океаном русского языка был, так сказать, не во всеоружии.

Сквозь дымку времени вижу все наше газетное фронтовое братство — первого редактора газеты, ныне покойного Е. Поповкина, харьковского поэта Д. Каневского, погибшего в декабре 1944 года, и белорусского критика А. Кучара, вижу ныне известных прозаиков С. Глуховского, А. Бикенгаева, Сергея Сергеевича Смирнова, никогда не унывавшего, умевшего веселиться и веселить всех окружающих...

Каждый из них испил полную чашу фронтовых трудностей и опасностей, ибо материал для газеты надо было добывать на самом переднем крае, в окопах и блиндажах, на ротных командных пунктах, огневых позициях артиллеристов и минометчиков. Каждый из них хорошо усвоил истину, что самая опасная пуля та, которая еще не пролетела мимо, а самая страшная бомбежка — которая еще не закончилась.

Мне приходилось быть поставщиком «боевого» оперативного материала — информаций и корреспонденций о поисках разведчиков, действиях снайперов, танковых рейдах, атаках и контратаках, артналетах, кочующих орудиях... Но когда наступало на фронте затишье, я попадал в трудное положение: неоткуда было черпать «горячий» материал, без которого фронтовая газета — не газета. И тогда приходилось что-то придумывать.

Так случилось, например, в начале 1943 года, когда на Северо-Западном фронте в полосе нашей 27-й армии ничего особенного не происходило. Тогда у меня родилась мысль пойти к командиру недавнего авиационного полка, приданного нашей армии, майору Карасеву и попросить у него разрешения полетать в качестве штурмана на ночные бомбежки.

— Жить надоело? — удивился майор. — Каждую ночь кого-нибудь сбивают... Неси письмо от редактора газеты, что он тебе поручает такое задание.

Евгений Поповкин мою затею не одобрил, и я обратился к начальнику политотдела армии полковнику Хвалею. В эту же ночь полетел с летчиком лейтенантом Н. Гусевым бомбить немецкие эшелоны на железнодорожной станции Тулебля... Наш самолет был не настоящим бомбардировщиком, а одномоторным «ПО-2», которому подвешивали под оба крыла 100-килограммовые бомбы. В мои «штурманские обязанности входило самое простое: по команде летчика дернуть справа и слева по борту за шарики, к которым были прикреплены тросы, освобождавшие чеку держателей бомб.

Впечатления от полетов в ночное небо, где шныряли «мессершмитты», и особенно при подходе к цели, когда начинали бить зенитки и крупнокалиберные пулеметы, незабываемо в памяти. Конечно, холодело в груди от опасения, что самолет собьют, но зато как приятно было уже потом свои корреспонденции в газете, у которых под заголовком стояло: «С борта ночного бомбардировщика».

Не знаю, сколько бы ночей я летал еще, если бы не одно обстоятельство... После бомбежки эшелонов в Тулебле, потом в Шимске, после ударов по огневым позициям особенно докучавших немецких минометов, когда мы оказывались за своей линией фронта, я каждый раз обращался к лейтенанту Гусеву с одной и той же просьбой:

— Теперь понятно?

Переживших опасностей и впечатлений мне почему-то казалось недостаточно, а лейтенант Гусев был такой же молодой и безрассудный и тут же поступно бросал самолет в пике, делал немыслимые виражи, бочки, горки — все, что было доступно маленькому фанерному и парусиновому самолетику...

Когда я в очередной вечер появился на аэродроме, ко мне подошел майор Карасев и произнес слова, смысл которых сводился к одному: «Чтоб твоей ноги здесь больше не было!»

Впрочем, я обрадовался этому, ибо в нашей редакции появилась новая корреспондентка — очень славная девушка из Москвы, Тоня Крупенева, и я всерьез стал опасаться, что если меня собьют, то за мной кто-нибудь начнет ухаживать...

Когда наша армия в апреле 1943 года передвигалась из-под Старой Руссы на Степной фронт, мы с Тоней на день заехали в Москву и расписались... Теперь у нас четверо внуков: Иван, Оксана, Алеша и Оля.

P. S Бывают невероятности, но такая!.. Когда я вычитывал гранки этого материала, на моем столе зазвонил телефон:

— Говорит Николай Андреевич Гусев, — услышал я в трубке. — Помните, в сорок третьем, на Северо-Западном на бомбежку вас возил?..

Я задохнулся от неожиданности, ибо с 1944 года ничего о Н. Гусеве не слышал. Живет он, оказывается, в Любедюце, и мы договорились о встрече...

Андрей БАЛОДИС

НЕ ПЕРОМ, А ШТЫКОМ...

ВОЙНА застала меня на посту редактора газеты «Свободный крестьянин». Это была совсем молодая газета, рожденная вместе с Советской Латвией. В ульманисовских застенках я мечтал о такой газете не раз. Но пришло время сражаться не пером, а штыком... Я положил в рюкзак странички со своими антифашистскими стихами, которые писал в тюрьме так и не успел издать, попрощался с товарищами и пошел записываться добровольцем в Красную Армию. Выдали мне английскую винтовку — наследство старой латышской армии — и определили на самую высокую должность: рядовым в Первый Латышский истребительный полк.

Полк создавался из одних добровольцев — из рабочих, студентов, писателей...

Нет, не оружием грозны были истребители для врага (для английских винтовок не хватало патронов, а гранаты заменяли бутылки с горючим) и не военным опытом страшил наш полк немцев (лишь некоторые из нас, подобно Жану Гриве, прошли фронты Испании).

Мы были страшны врагу своей ненавистью и своим братством. Почти у каждого за плечами стояло революционное подполье, каторга, борьба за высокие идеалы. Могли ли мы уступить нашу трудную победу фашистам?

Полк с боями отходил через Эстонию к Ленинграду. В одном строю со мной стоял и Эвалд Вилкс, молодой парнишка, не помышлявший тогда о литературе (это потом он станет известным писателем).

Под бомбежкой плыли мы по морю. Жажда мучила бойцов. Кто-то зачерпнул ведро морской воды, и мы жадно напились. Это было наше горе. Оно, хоть и соленое, но утолило жажду. Много лет спустя я написал стихотворение «Глоток моря». Вкус того глотка, мне кажется, я помню и сейчас.

Под Ленинградом нашим батальоном командовал Жан Гриве. Я же в то время был пулеметчиком, а затем политруком.

Вместе с морскими десантниками мы по многу раз ходили в атаку, сражаясь за Петергоф, Володарку, Стрельну. И политруку нужно было проводить свои беседы сжато, кратко, пользуясь передышкой между боями. Потом, позднее, невысказанные тогда слова сложились в строки:

Пусть эта кровь
Под Ленинградом павшим
Над Ригой вспыхнет вновь,
На всех знаменах наших!

Сражаясь за Ленинград, мы сражались и за новую Латвию.

Однажды к нам в часть приехал военный корреспондент и увез меня на трамвае в тыл: нужно было помочь написать корреспонденцию о латышских стрелках. Мы пили с героями-земляками, а они тем временем вели тяжелый бой. «Огонь все злей, и ночь от залпов рвется, к утру своих друзей нам хоронить придется».

Геройски погибла большая часть полка. Но место павших занял Второй Латышский полк, а затем и Латышская дивизия. К сожалению, до пункта формирования дивизии я не добрался — тяжело заболел в дороге, много месяцев провалялся в госпиталях. А позже был направлен в тыл заместителем редактора газеты «Циня».

Так окончилась для меня фронтовая жизнь. А друзья мои — земляки вместе со всем советским народом шли до самой Победы. Я же, как мог, старался помогать им стихами.

РИГА

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Белоуса Д. Г. орденом Дружбы народов

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Белоуса Дмитрия Григорьевича орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
23 апреля 1980 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Крустейна Э. Я. (Эрни Крустена) орденом Дружбы народов

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения наградить писателя Крустейна Эрнеста Лановича (Эрни Крустена) орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
29 апреля 1980 г.

нам сообщили

ПРИСУЖДЕНИЕ ПРЕМИЙ

● *АЗЕРБАЙДЖАН*

Накануне 60-летия республики ЦК Компартии Азербайджана и Совет Министров Азербайджанской ССР постановили присудить Государственные премии Азербайджанской ССР 1980 года в области литературы, искусства и архитектуры писателям: И. Касумову — за полнометражный документальный фильм «Бремена в Баку» (производство киностудии «Азербайджанфильм» имени Дж. Джабарлы); А. Джамилю и А. Кюрчайлы (посмертно) — за стихи последних лет, собранные в книге Зоровея пришли мы в этот мир» и «Цельность»; Анару — за спектакль «Лето в городе», поставленный в Азербайджанском государственном академическом драматическом театре имени М. Азизбекова; И. Ибрагимбекову — за телевизионный художественный фильм «День рождения» (производство киностудии «Азербайджанфильм» имени Дж. Джабарлы); Я. Нараеву — за литературоведческое исследование «Поэзия и проза»; М. Мамедову — за книги стихов для детей «Певчие птицы» и «Ох, уж этот Ибрагим!».

БАКУ

● *ГРУЗИЯ*

Президиум правления СП Грузии присудил премию имени Г. Табидзе И. Кочешвили за лучшие стихотворения «Да «Весна в Грузии». Ежегодные литературные премии Союза писателей Грузии присуждены в области поэзии Г. Чешвили, поэзии — Н. Джагаргия, драматургии — Т. Чиладзе, критики — Г. Гвердцители и публицистики — С. Чилая.

ОДНО МОРЕ, ОДНА СУДЬБА

Большая творческая и личная дружба связывает писателей Литвы и Латвии. За последние десятилетия литераторы двух соседних республик основательно знакомят друг друга, делятся своим опытом. Прекрасным свидетельством такой взаимообогащающей дружбы явился литературный вечер в вильнюсском Доме работников искусств.

Открывший вечер заместитель председателя правления СП Литвы В. Бубнис приветствовал гостей — латышских писателей Д. Аботыньш, О. Лиховскну М. Чаплайса, Г. Цируليса. Он отметил, что встреча мастеров слова двух республик состоялась накануне большого праздника — 35-летия восстановления Советской власти в Прибалтике. О творческих делах латышских писателей, о том, как они встречают знаменательный юбилей своей республики рассказал секретарь правления СП Латвии Г. Цирулис. Гости, а также литовские поэты — академик АН Литовской ССР К. Корсакас, А. Балтакис, Ю. Балчиайтис, М. Мартинайтис, Ю. Марцинкявичюс и Э. Матузявичюс читали свои стихи, знакомили с новыми переводами стихов друзей.

Д. Аботыньш активная переводчица литовской поэзии вручила народному поэту Литвы Ю. Марцинкявичюсу переведенную со на латышский язык и изданную в Риге драматическую трилогию.

В сопровождении литовских писателей гости побывали также в Утенском районе, где встретились со строителями, колхозниками, учащимися.

Наш корр.

ВИЛЬНЮС

Правление Союза писателей СССР и правление Союза писателей Таджикистана с глубоким прискорбием извещают, что 28 апреля скоропостижно скончался известный таджикский поэт и драматург

Файзулло АНСОРИ,

и выражают глубокое соболезнование семье и близким покойного.

«Годы Отечественной войны не вдвойне, не втройне, а гораздо, гораздо сильнее, чем все прожитые и пережитые мной до нашей эпохи».

Ф. ПАЛЕЦКИЙ, Из записной книжки 1941

И. КОЗЛОВ В СЕРДЦЕ КАЖДОГО ИЗ НАС

Заметки критика о военной прозе последних лет

Тридцать пять лет отделяют нас от последнего дня Великой Победы над гитлеровской Германией. Бесчисленно много П. Павленко, К. Симонов, Ю. Бондарев, А. Кулешов, Г. Бакланов и многие, многие другие посвятили свои лучшие произведения этим дням, сорок военных лет, сорок трудных и тяжких, великих и героических дней, сохранившихся в памяти каждого из нас, в сердце каждого из нас.

Сегодня и, конечно, все, кроме немногих исключений, эти события воспринимаются всеми как самое, быть может, трудное, но и самое героическое, самое значительное, самое, наконец, определяющее в нашей жизни. Вот почему, вероятно, и сегодня, и завтра, и еще, по-видимому, долгие годы, пока не уйдет последний ветеран, пока не сойдет последний свидетель, будет, по-видимому, расти, расширяться, углубляться, обогащаться и уточняться в деталях, в подробностях, в нюансах, в оттенках, в ракурсах, в аспектах, в ракурсах, в аспектах, в ракурсах, в аспектах — в ракурсах, в аспектах — и, конечно, в ракурсах, в аспектах — и, конечно, в ракурсах, в аспектах — и, конечно,

Михаил АЛЕКСЕЕВ

КОРНИ И КРОНА

Размышления над «Заметками о русском» академика Д. С. Лихачева

КОНЕЧНО ЖЕ, заметки академика Д. С. Лихачева, с которыми он выступил в третьей книжке «Нового мира», не могли не привлечь к себе самое пристальное и, пожалуй, самое острое и нетерпеливое внимание читателя. Нетерпеливое потому, что у прочитавшего их возникает жгучее желание тотчас же, немедленно, не откладывая этого дела ни на час, с кем-то поделиться собственными мыслями по затронутому автором чрезвычайно важному вопросу, вокруг которого на протяжении столетий накопилось так много взрывчатого материала и скапливалось такое же количество как высоких, так и низких человеческих страстей.

И не рецензию хочется писать, а сесть бы рядом с академиком либо положить перед собой чистые листы бумаги да не спеша поразмышлять либо с ним, либо с самим собой по всем главкам новой его работы, в общем-то, естественной для этого ученого и все-таки во многом для нас неожиданной. Д. С. Лихачев в самом начале своих «Заметок о русском» предупреждает, что они вызваны «жизни соображениями полемическими. Это и понятно, потому что до сих пор еще ощущается настоятельная необходимость просвещать не только иностранку по имени Франсуаза, но и некоторых соотечественников относительно того, как надобно понимать русский национальный характер.

Для многих (к их числу смею причислить и себя) в работе Д. С. Лихачева вообще нет ничего полемического, потому что нельзя не согласиться с его мыслями, всегда глубокими и всегда основанными на изучении характера русского человека во времени и пространстве, в историческом разрезе полного, что называется, профиля. Едва ли стоит полемизировать с теми, кому все русское да и сама Россия, которую, по словам Тютчева, умом не понять, неизменно представляются некоей загадкой. А разве не загадка то, что из миллиардов человеческих существ не отыщется и двух, кои во всем, решительно во всем походили бы друг на друга? Природа, величайший художник и творец, ни в одном из нас не повторилась, создав каждого человека как крайнюю и законченную индивидуальность. А разве не чудо и не загадка то, как рождается целая нация, целый народ с его языком, с его обычаями, с его особенностями, столь устойчивыми и огнеупорными, что даже самым жестоким завоевателям не хватало нескольких столетий, чтобы погасить, вытравить, уничтожить их? Вот это и есть чудо. Вот это и есть загадка, каковая, конечно же, не является монополией России, русских. По этой причине у русских людей, равно как и у любых других, нет и не может быть ни малейших оснований кичиться своей национальной исключительностью. Все мы едины в своем бесконечном многообразии, и все мы, если хотите, загадка, до конца не разгаданная, — в том-то и прелесть людского общежития на планете Земля.

Прост, как правда, — говорится о Ленине в воспоминаниях А. М. Горького. Он открыт, как небосвод над нами, как Вселенная. Но разве Вселенная не остается для нас до многом еще загадкой? Разве гений Ленина разгадан и изучен нами до конца? Что рискнет ответить на этот (скорее, риторический) вопрос утвердительно?

«Мы не знаем о себе самых простых вещей», — говорит Д. С. Лихачев в первом же абзаце своих заметок. И нередко, в упоении любви, забываем, что «у России, как у большого дерева, большая корневая система и большая лиственная крона, соприкасающаяся с кронами других деревьев».

Полагаю, что строки эти появились в самом начале авторских размышлений не случайно, ибо они—лейтмотив, они — основа, на которой выткано и держится все полотно; в них-то, думается, и заключен полемический смысл, заключена полемика с теми, кто не знает «самых простых вещей». Говорит ли автор о природе и доброте, о просторах и пространстве, о русском ли характере, о пейзажах, о природе других стран и даже о садах и парках, он не забывает напомнить читающему, что «национальные особенности — это только некоторые акценты, а не качества, отсутствующие у других. Национальные особенности сближают людей, заинтересовывают людей других национальностей, а не изымают людей из национального окружения других народов, не замыкают народы в себе. Народы — это не окруженные стенами сообщества, а гармонично согласованные между собой ассоциации».

При всем при этом, иными словами говоря, при глубоком понимании всего этого, автор не скрывает своей горячей любви к России, к русскому во всех без исключения главках своего произведения.

Мы — россияне!

Так, вероятно, подумалось не единожды каждому из нас, родившемуся на земле по имени Россия, земле, давшей не только приют, кров, пищу более чем та национальностям и народностям, но и горделивое чувство личной причастности к чему-то уж очень значительному и возвышенному, что так или иначе связано с понятием России. Мы могли бы указать на многое из того, что дала она миру, что наполнило ее великим содержанием, что составляет ее своеобразие, неповторимость, и простое перечисление всего этого заняло бы немало страниц, куда больше, чем в рецензируемых нами заметках. Конечно, для начала (как это и делает Д. С. Лихачев) мы бы вспомнили о ее чисто пространственном, географическом, что ли, величии, дающем ощущение бесконечности,— от одного этого уже захватывает дух. Об этом позаботились в далекие еще времена наши мужественные предки, оставившие нам в наследство безбрежную Русь, на которой мы теперь создали могучую Советскую Россию. Россия дала нам и всему миру Ленина. А сам Ленин (Володя Ульянов) — и это важно подчеркнуть — вырос в семье, где неукоснительно соблюдалось правило: все ее члены были окружены глубочайшим взаимным уважением и были равны друг перед другом как в своих правах, так и в своих обязанностях — старшие в отношении к младшим, младшие в отношении к старшим.

Россия — первая среди равных: это понимается как место, которое она занимает меж своих сестер — союзных с нею республик. Если иметь в виду русского человека, то его нередко называют старшим братом. И не только в других республиках, но и в его собственной, ибо в понятие «россиянин» входят и представители более ста национальностей и народностей, о которых сказано выше.

Нельзя не подивиться многим исключительно точным наблюдениям Д. С. Лихачева. Например, в главке «Еще о доброте» немало строк отведено русским «дурачкам», среди ли не самым главным положительным героям сказок и былин. Автор говорит об этих дураках без кавычек, поскольку и в сказках их не заключали в кавычки, хотя во всех случаях сказочные русские Иваны-дураки оставляли в дураках царствующих особ и разного рода вельмож, поскольку были и умнее их, и порядочнее, бескорыстнее и добрее. В более поздние времена русская, скажем, литература проявляла (да, кажется, проявляет и по сей день) участливое внимание к людям с так называемой чудинкой, полученной, пожалуй, в наследство от сказочного ершовского героя, то есть от Иванушки-дурачка.

Взять хотя бы толстовского «чудика» капитана Тушина, не отыскавшего ни единого слова в свою защиту и готового уж нести кару от Багратиона за свой несомненный подвиг, и понес бы это наказание, не вступись за него Болконский. Кого чаще всего вспоминают и с неизменно доброй улыбкой, а стало быть, и с любовью, когда говорят о героях шолоховской «Поднятой целины»? Конечно, Семена Давыдова и, разумеется, Макара Нагульнова, а также и дедушку Щукаря, этого самого бескорыстного чудака. Все, или почти все, наиболее яркие и любимые автором герои Василия Шукшина — наши современники, люди с чудинкой. Они не выдуманы. Они приходят на страницы книг из жизни. Они — тоже носители черт русского национального характера. Черты эти, вероятно, присущи и людям других стран, других национальностей. Важно другое: доброта, о которой говорит автор заметок, предполагает глубокое уважение к другим народам. «Осознанная, — подчеркивает он, — любовь к своему народу не сплединима с ненавистью к другим».

Многолетние размышления над важнейшим вопросом жизни выливаются у автора в законченные, похожие на афоризмы формулы. Они следуют одна за другой к концу работы. Вот они: «Национализм — это проявление слабости нации, а не ее силы»: «Истинный патриотизм в том, чтобы обогащать других, обогащаясь сам духовно»: «Культура должна быть открытой»: «Патриотизм — это благороднейшее из чувств»: «Национализм же — это подлейшее из несчастий человеческого рода».

Формулировки эти, может быть, так бы и остались формулировками, если бы им не предшествовал глубокий анализ исторических фактов, приводимых академиком Д. С. Лихачевым на протяжении всей книги.

Да, это книга, малая по количеству страниц, но большая и емкая по заключенным в ней мыслям, в высшей степени важным, в не меньшей мере своевременным и глубоким. О ней еще много будут говорить и писать.

Новая работа ученого стоит этого.

Языком графики

Иллюстрации художника Ивана Бронникова к сборнику повестей и рассказов Виктора Конецкого «Вчерашние заботы». Издательство «Известия». М. 1980.

КАКОЙ БЫВАЕТ ЗАРЯ?

ЧИТАЯ СЛОВАРЬ ЭПИТЕТОВ

СЛОВАРИ бывают разные. Книга, лежащая на моем столе, отвечает на очень интересные и далеко не праздные вопросы. Сколько эпитетов можно подобрать к слову «глаза»? Тридцать, пятьдесят, сто? А для слов «лицо», «улыбка», «жизнь», «работа», «надежда», «ночь», «заря»? Так вот, для характеристики глаз уже сейчас можно назвать более 400 эпитетов! По цвету глаза бывают: агатовые, бежевые, бирюзовые, дегтярно-черные, капустные, кофейные, медовые, молочно-голубые, оливковые, ореховые, свинцовые, табачные, ультрамариновые, фиалковые, шоколадные, янтарные... Но это далеко не все. У А. Грибоедова встретились «сапфирные глаза», а у А. Н. Толстого — «сердоликовые». Просто и задушевно назвал глаза С. Есенин — «васильковые». Есть и совсем редкие эпитеты: ртутные (М. Горький), акварельные (К. Федин), пемзовые и ржаные (Вс. Иванов), камышовые и седые (М. Шолохов). Но это только по цвету. Для характеристики размера, формы глаз человека, их выражения часто используют прием сравнения. Ну, скажем, с миром животных. Каких только глаз не встретишь на страницах русской художественной литературы! Бараньи, бычьи, воловьи, кабаньи, коровьи, телячьи... Большие круглые глаза часто именуют совиными, рачьими, стрекозиными. Для психологического портрета обычно используют: орлиные, ястребиные, собачьи, змеиные, кошачьи, лисьи, волчьи... Бывают и моржовые глаза, и мышиные, и рыси, и тюленьи. Тончайшие оттенки смысла заключены в таких эпитетах, как оленьи глаза или щенячьи глаза!..

Многие привычные слова — существительные имеют, оказывается, сотни ярких, образных, а нередко и неповторимых определений. Все эти сведения можно получить из недавно изданного академического «Словаря эпитетов русского литературного языка» К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло (ответственный редактор член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин. Издательство «Наука». Л., 1979).

Мир эпитетов необыкновенно богат и разнообразен, и он всегда волновал писателей. В воспоминаниях Леонида Борисова «За круглым столом прошлого» (Ленинград, 1971) есть интересная и поучительная главка «Игра». В ней речь идет о том, как в кругу ленинградских литераторов в 20-х годах Александр Грин завел профессиональный разговор об эпитетах. «В стихах и прозе, — утверждал он, — самое трудное — это эпитеты, прилагательные. Существительное что! Подумаешь! Ну дом, парус, пирог, дама, базар, закат, площадь... А вот эпитет — это, прошу не спорить, самое главное. На эпитете всякое сочинение держится. Попробуйте напишите без эпитетов! Существительное — это спящий. Прилагательное — тот, кто его будит. Полойлет, лериет за суффикс и скажет: «Вставай, бесполезное существительное! На работу пора!» И тут же А. Грин предложил присутствующим начать литературную игру: придумывать эпитеты к любому, первому попавшемуся существительному. Назвали «розу». Предложили к ней массу эпитетов: «благоухающая», «набухшая», «зеленая», «внимательная», «спительная», «задумчивая» и даже... «пятирублевая»! Но все эти эпитеты были довольно невысоко оценены А. Грином, в лучшем случае на «три с плюсом». А по поводу «пятирублевой розы» Чапыгина он сказал, что эпитет плох потому, что он не рисует, не окрашивает, а всего лишь оценивает существительное. Бедный эпитет, торговый, безмозглый... Но вот пришел через и самому Грину предложить свой эпитет, назвать розу такой, какой он ее видит. «Роза... Роза... — тихо и несколько опечаленно повторил Грин, — а запах ее — запах воспоминаний... Ставьте мне тройку, но моя роза будет «воскрешающая»... Присутствующие по достоинству оценили этот эпитет — такой просторный для ассоциаций и воображения. «— Берем вокзал, — продолжал игру Грин: — Кто дает эпитет?»...

Я посмотрел: в словаре К. Горбачевича и Е. Хабло слово «роза» имеет около 40 эпитетов! И это не считая терминологических определений, которых еще десятка два. Есть тут роза «живая» и «завядшая», «младая», «пахучая», «роскошная», «свежая», «утренняя», «гордая», «стыдливая», «царственная»... Но нет, разумеется, гриновской «воскрешающей» — сугубо индивидуально-личного, но такого емкого образования.

Эпитет — в буквальном переводе с греческого — значит «прибавленное, приложенное». Однако не всякое определение можно назвать эпитетом. Есть немало относительных прилагательных, которые указывают лишь на чистые отношения между словами (и выражаемыми ими понятиями), например, стеклянная дверь или чугунная решетка. Ведь одно дело — «железная печка», «мягкая почва» или «серебряный кубок» и совершенно другое — «железная воля», «мягкий человек», «серебряный голос» или «серебряный родник». В первой группе словосочетаний мы имеем дело с логическими определениями, а во второй — с несомненными эпитетами, несущими образность и художественную выразительность.

Впрочем, не всегда различии между эпитетами и логическими определениями так самоочевидны. Есть случаи, когда мы встречаемся со сложными, развивающимися, диалектически противоречивыми явлениями. Установить роль прилагательного нередко возможно лишь в контексте, в зависимости от общего смысла высказывания.

Профессор Б. В. Томашевский в свое время тонко подметил, что если мы в сочетании «красная роза» определяем словом «красная» особый сорт роз (в отличие, скажем, от белой розы или чайной, дикой, штамбовой), то определение является логическим. Если же мы имеем в виду только красные розы (наиболее обычные), то в сочетании «красная роза» определение привлекает внимание к свойству, указанному словом «роза», поэтому оно может быть названо эпитетом.

В словаре К. Горбачевича и Е. Хабло представлено около 500 общеупотребительных слов. Они снабжены перечнями эпитетов с иллюстрациями-цитатами из русской художественной и публицистической литературы от Пушкина до наших дней. Помимо общеязыковых эпитетов («проницательный взгляд», «трескучий мороз» и т. п.), словарь включает народно-поэтические, пришедшие из фольклора (постоянные эпитеты вроде «буйный ветер», «горе горькое»), а также редкие — индивидуально-авторские, окказиональные эпитеты. Они обогащают наше представление о возможностях метафорического употребления слов, показывают оригинальные писательские находки. Например: «картонная любовь» (у Гоголя), «чурбанное равнодушие» (у Писарева), «голубая радость» (у Куприна), «дряблый смех» (у Мамина-Сибиряка), «сквозные утра» (у Чехова), «мокрогубый ветер» (у Шолохова), «цветастая радость» (у Шукшина) и многие другие.

«Словарь эпитетов русского литературного языка» — новый тип лексикографического издания. Документальная основа справочника (а в нем цитируется более 600 писателей и поэтов XIX—XX вв.) органично соединилась в нем со строгостью лексикографического описания и простотой организации материала.

«Язык неистощим в соединении слова. Эта крылатая фраза Пушкина могла бы стать эпиграфом к «Словарю эпитетов». Свежие, поразительные по своей глубине и экспрессии сочетания слов приведены здесь. Голос: матовый (И. Бунин), белый и серый (М. Горький), мазутный и вязкий (М. Шолохов), замшевый (Л. Леонов), каленый (В. Распутин); лицо: картофельное (Д. Мамин-Сибиряк), парикмахерское (А. Куприн), вафельное (Ю. Бондарев); волосы: пасмные (С. Есенин), лунные (М. Горький), молочные (В. Лидин).

Множество разнообразных и полезных сведений можно извлечь из этого словаря. Составленный на основе русской художественной литературы, он, естественно, отражает русский склад ума, народное миросозерцание. Вот, например, перечни эпитетов, показывающих, как психологически разному воспринимались и оценивались породы деревьев: дуб — гордый, молчаливый, надменный, суровый, угрюмый, хмурый; береза — безответная, веселая, задумчивая, наивная, робкая, целомудренная; ель — мрачная, нелюдимая, нахмуренная, печальная, сумрачная, суровая, траурная; осина — горькая, сонная, трепещущая, унылая; сосна — породная, заоблачная, тугорослая, дремлющая, разомлевшая...

Условия употребления, «пристрастие» художников слова к тем или иным эпитетам могут быть связаны с эволюцией поэтического стиля. Исследователи развития литературного языка различают, например, античный, классический, романтический и реалистический эпитеты. Налет архаики, несомненно, заметен для нас в таких сочетаниях, как «легкокрылая радость», «тихоструйная река» или «губительный час».

Представленный в словаре материал литературных фиксаций нередко свидетельствует о смене художественных вкусов и об изменении самих норм сочетаемости слов. Так, изобиленные в поэзии первой половины XIX века сочетания «мятежное счастье, наслаждение», «мятежный ум», «мятежная любовь, ярость, юность» или «пустынный снег», «пустынные сосны», «пустынная трава» снабжаются в словаре пометой «устаревшее поэтическое». В нем хорошо показано, как в образной речи расширяются границы сочетаемости слов. Например: «премудрая гора» (М. Лермонтов), «премудрая трава» (А. Твардовский), «премучий иней» (О. Берггольц): «кромешная мука» (Н. Некрасов), «кромешная судьба» (А. Твардовский), «кромешная ночь» (В. Распутин).

Удачный, сочный эпитет усиливает выразительность и образность нашей речи, обогащает содержание высказывания. Ярослав Смеляков с грустью заметил однажды: «Когда-то я прошел школу эпитета у Эдуарда Багрицкого. Он учил нас ставить в строчку один точный и емкий эпитет, а у теперешней молодежи утрачено это чувство эпитета».

Думается, что изданный словарь помогает найти яркий и наиболее точный, уместный в конкретном контексте эпитет. Он учит избегать банальных, шаблонных определений, а значит, в известной мере способствует возрождению и обострению этого утраченного «чувства эпитета».

Книга ленинградских языковедов — хорошее подспорье для писателя и журналиста, лектора и докладчика, для каждого, кому дорог и кому нужен русский язык. Но этот словарь, как справедливо отмечается в предисловии, не только «подсказчик» нужного эпитета. Собранные в нем примеры употребления эпитетов писателями разных эпох и разных литературных направлений могут послужить базой для интересных лингвистических и литературоведческих исследований.

И еще об одном надо сказать. Хочется верить, что в известном смысле это только начало. «Словарь эпитетов» К. Горбачевича и Е. Хабло — несомненный и весомый вклад в будущий большой «Поэтический словарь русского литературного языка», о котором, увы, пока всем нам приходится только мечтать.

Словари нужны разные. И, конечно, их должно быть больше.

Л. СКВОРЦОВ,
заведующий сектором культуры русской речи Института русского языка АН СССР, доктор филологических наук

МОСКВА

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

А. А. ШАРИФУ — 85 лет

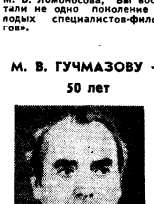
Секретариат правления Союза писателей СССР, совет по азербайджанской литературе и совет по художественному переводу в связи с восьмидесятипятилетием Азиза Алиевича Шарифа направили ему приветствие:

«Один из основоположников азербайджанской школы художественного перевода. Вы внесли большой вклад в дело развития и укрепления межлитературных связей. Благодаря Вашим замечательным переводам русский читатель открыл для себя многие произведения — М. Ф. Ахундова, А. Ахвердова, С. С. Ахундова, М. Гусейна, С. Агаева, М. Ибрагимова. В Вашем переводе на азербайджанский язык увидел свет роман А. М. Горького «Мать».

Мы высоко ценим и Вашу деятельность литературного критика и литературоведа, огромна Ваша роль в исследовании и популяризации наследия классиков азербайджанской литературы — Дж. Мамедкулизаде, М. А. Сабира, А. Ахвердова и других.

Доктор филологических наук, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова. Вы воспитали не одно поколение молодых специалистов-филологов».

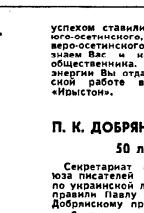
М. В. ГУЧМАЗОВУ — 50 лет



Секретариат правления Союза писателей СССР и совет по грузинской литературе в связи с пятидесятилетием со дня рождения Михаила Васильевича Гучмазова направили ему приветствие:

«Первый Ваш сборник рассказов и повестей под названием «Совесть», изданный в 1959 году, с интересом был встречен литературной общественностью. С тех пор Вами создано множество книг рассказов, повестей, романов, пьес: «Журавлиное счастье», «Красавица моя», «Чужой», «Вероломные», «Снала эгремела», «Горный цветок», «Волны», «Кошмарные сны» и многие другие, герои которых борются за высокие идеалы советского человека. Ваши драматические произведения с успехом ставились на сценах юго-осетинского, а также северо-осетинского театров. Мы знаем Вас и как активного общественника. Много сил и энергии Вы отдаете редакторской работе в издательстве «Ирыстон».

П. К. ДОБРЯНСКОМУ — 50 лет



Секретариат правления Союза писателей СССР и совет по украинской литературе направили Павлу Казимировичу Добрянскому приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, известного украинского эмориста и сатирика, с пятидесятилетием со дня рождения.

Медик по образованию и многолетний практик, Вы успешно сочетаете эту благородную работу с литературной деятельностью писателя-сатирика и юмориста. Вашему перу принадлежит несколько сборников юмористических рассказов и повестей. В их числе «Сижу себе да и думаю», «Вот так ситуация!», «Сказано — сделано», «Лепеха в раю», «Электронная сватья», «Лукаво замашно», «Нептун в юморе» и другие. Лучшие Ваши произведения переведены на русский язык и языки других братских народов нашей страны и стран социалистического содружества. К боевым, партийным позициям Вы ведете активную борьбу против пережитков прошлого в сознании людей, против отсталости и косности.

Писатель-коммунист, Вы постоянно принимаете деятельное участие в общественной работе как ответственный секретарь Ивано-Франковской организации СП Украины, как заботливый наставник молодых литераторов».

* * *

«Литературная газета» приносит свои поздравления.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите через «Литературную газету» сердечно поблагодарить всех моих друзьям, читателям, героям моих книг — прославленным шахтерам и боевым однополчанам, поздравившим меня с семидесятилетием.

Петр ЧЕБАЛИН

ПОЧТА БУКВОЕДА

Одна газета в рубрике «Лекции и вечера» сообщает: «Открытое научное заседание ученых-пушкинистов состоится в музее 22 января. На нем выступит академик В. В. Виноградов».

Академик Виктор Владимирович Виноградов, автор ряда работ о языке Пушкина, умер в 1969 году... Надо полагать, что в музее не собираются проводить спиритический сеанс.

А. ГРЕКОВА

МОСКВА

* * *

В заметке «Всё играет и поет», опубликованной в молодежной газете, говорится: «...Рядом с фонографом его старшие братья — граммофон и пять патефонов...»

Если граммофон и патефон, по мнению автора, являются старшими братьями их родоначальника, старинного и несовершенного фонографа, то современный стереофонический проигрыватель приходится фонографу уж по крайней мере прадедушкой!

А. ГРОССМАН

ЛЕНИНГРАД

* * *

В «Литературной газете» (от 16 января с. г.) в заметке о творчестве греческого поэта О. Элитиса сказано: «Поэт, родившийся на прекрасном острове Крит, где, согласно преданию, возникла из пены морской Афродита...»

Между тем, согласно преданию, Афродита возникла из пены морской не у острова Крит, а у острова Кипр, и одно из ее имен — Киприда, а не Критида...

Н. ПЕТРОВСКАЯ

КИЕВ

* * *

Журнал «Пионер» (№ 3, 1980) сообщает: «В середине прошлого столетия Авраам Линкольн, первый президент США, истратил на свою избирательную кампанию полтора доллара: он выкатил своим сторонникам бочку сидра».

Может быть, Авраам Линкольн и выкатил своим избирателям бочку сидра, но не для того, чтобы стать первым президентом: его на семь десятилетий опередил Джордж Вашингтон (президент с 1789 по 1797 год).

С. ПОПЫРИН

МОСКВА

Рисунок В. КАЗИНЦЕВА

ЗДЕСЬ они видят фронтовое небо во всей его красе и жути: красными пунктирами секут небо трассирующие, голубовато вспыхивает горизонт: то в одном, то в другом месте, а где-то слева багрово догорает высокий пожар.

Вдалеке раскатами грома бахают катюши, и долго их рокот катится по окрестностям, пока не замирает.

Жадно смотрят ребята на иллюминацию передовой, до которой рукой подать. — интересно все очень! И думают: поверни их сейчас обратно, в тыл — почувствуют разочарование, потому что не увидеть всего этого, не испытать всего этого, пройти мимо того огромного и необыкновенного, что происходит, и не быть участником его — просто невозможно.

Недолго стоят они в селе — двигаются дальше. Вроде, и усталость проходит, магнитом тянет к себе таинственная передовая.

И вскоре выходят они к Волге, и видит Пахомыч свою любимую, но разве это она. Волга, — неприступная, закованная в лед, пробитый снарядами и минами? Какая-то жалкая, несчастненькая, и чувствует — душат его слезы. Нагибается, берет ладонями обжигающую холодом воду и... пьет. Хочется постоять еще, поглядеть на родимую, но сзади напирает батальон, и шепотливая команда «вперед, вперед!» уводит дальше.

Одолев крутой берег не без труда и пройдя километра полторв по сосновому бору, выходят они к безбрежному снежному полю — без конца и края. Только светится даль неясным светом, каким-то туманом голубоватым. Но не определить, далеко это или не очень...

Сыплет с неба крупа, мелкая, колючая, жмутся люди к деревьям — дальше идти команды нет. А холодно, многие, реку переходя, в полыньи попали, полные ботинки воды начерпали. Переобуться бы, хоть портянки отжать, но не решаются — ждут команды «вперед!» ежеминутно. Так около часа и стоят... Потом собирает комроты Кравцов взводных и говорит, что дальнейшее движение будет поэводно, что он пойдет с первым взводом и, дойдя до места, пришлет связного. На всякий случай дает взамуют направления своего движения.

Настороженно трогается первый взвод с Шерпиным во главе и скоро скрывается в серой темени, а остальным — стоять, дрогнуть на мартовском, пронизывающем ветру. И ни костра разжечь, ни курнуть, конечно... Стоят, мерзнут, с тоской поглядывают на мерцающую даль, за которой затаенный и притихший пока стоит фронт, поджидая их— живых и здоровых.

А протор в снегу, что протопал первый взвод, вскоре заметается, и это, казалось бы, естественное и обычное, вдруг действует на людей угнетающе: словно спинул взвод и следа не оставил.

Четин, прихрамывая, нервно ходит туда-сюда около взвода, и морщинка, что сморщила его лоб вчера на дневке, так и осталась на лице и согнала донимавший его румянец на щеках — сейчас он бледен и сер, как и все они. Перешел он с Коншиным опять на «вы» и держит себя официально, натянуто.

После разговора с Савкиным по-другому смотрит Коншин на людей — и добрее, и глубже. Досадливо вспоминает, как гонял их на формировании, как заставлял делать многокилометровые пробежки, как изводил и строевой, и тактикой... Ему-то что! Молодой, натренированный. А каково было пожилым, которые из запаса, каково было тем, кто из госпиталей? Не думалось тогда про это, а сейчас схватывает сердце позднее сожаление. И жалость какая-то к этим людям, идти с которыми ему вместе на неведомое и страшное, пронизывает его. И глядя на почерневшие лица, секомые колючей снежной крупой, на красные невыспанные глаза, в которых мается ожидания, ощущает он перед боем неразрывную связь с ними и слияние. И понимает — важно это очень.

Наконец-то появляется связной от ротного, и они трогаются, опасливо вглядываясь в снежную пелену.

Через час, может, и меньше, доходят они до разбитой, сожженной деревни, что стоит у довольно широкой дороги, может быть, большака. Здесь связной уводит третий взвод, а им опять ждать — и хуже этого не придумаешь. Ноги у тех, кто замочил их, переходя Волгу, заледенели совсем, но не переобуться — неизвестно сколько стоять здесь, может, сразу и призовут двигаться дальше? Вот и стоят, на месте приплясывают, от нечего делать деревню эту, разорище это рассматривают. Воронки тут свежие, снегом только чуть припорошенные, черненют жутковато и по размерам огромные — видать, тяжелая артиллерия поработала. На крыше сарая полусожженного — железная кровать, дугой загнута. Видать, взрывной волной на крышу заброшена.

И передовая звучит здесь уже погромче и внятнее. Изделка все звуки мешались и только сплошным гулом доносились, а здесь уже различимы: вот пулеметная очередь прострекотала, вот над головами снаряд прошелестел, где-то взорвался глухо, вот, наверное, мина противно завыла и хлюпнула с треском в стороне... И ракеты здесь уже приметны — не сплошным голубым маревом видятся, а каждая в отдельности, и освещают людей блеклым, словно нездешним светом...

Все это они и на слух, и на глаз принимают очень внимательно — вдруг это последнее, что унесет с собой их память?

А старший лейтенант Кравцов и другие командиры рот находятся в блиндаже комбата в деревне Черново, что в трех километрах от передовой.

Говорит комбат капитан Шувалов торопливо, с хрипотцой в голосе (застудился, видно, на марше в своей фуражечке), что до рассвета должен батальон выйти на исходные позиции и сменить находящуюся там часть, и показывает по карте, какой роте где расположиться. Говорит, что необходимо окопаться, так как нет окопов на передовой (вот это да!), не успели еще выкопать... Потом с натугой, цедя слова, говорит, что сведений о противнике мало и что он будет просить комбрига повременить с наступлением, чтоб получше разобраться в обстановке.

Глаза капитана, белесые и чуть навыкате, немного затуманены, в красивое лицо с кривоватым горбатым носом осунулось, у тонкого рта наметились морщины... Пока не сказал он ротным главного: сведения о противнике добывать им придется самим, что комбриг приказал провести разведку боем — а что это такое, вполне представляет себе комбат, хоть и не воевал...

Хорошо, если едной ротой обойдется... Но враг-то не дурак — поймет, что разведка это, не станет открывать огня из всех своих огневых точек, ударит по роте одним пулеметным и оружейным огнем. И тогда уж придется всем батальоном идти... Поживается капитан, в в груди словно кол забит — и больно, и дышать трудно...

Кравцов выходит из блиндажа. Не нравится ему нервозность комбата, что нет окопов на передовой. Легко сказать — окопаться! Знает он, как колупать мерзлую землю малыми саперными.

Связного за взводным Четина он послал еще до совещания у комбата и теперь, прислонившись к черной липе, стоит и ждет взвод, жадно покуривая в рукав.

А взвод, промерзший, все еще стоит у большака и тоже ждет. Ждет связного, которого почему-то все нет и нет...

Несколько раз подходит Коншин к комвзвода и говорит, что надо двигаться, что нечего ждать связного, что мог тот заплутаться...

А ночь идет к концу... Облакастое небо чуть светлеет, а все понимают: на передовую надо идти затемно, скрытно, и всех злит и тревожит неведительность Четина.

— Надо идти, лейтенант, — в который уж раз говорит Коншин.

— Подождем еще немного.

— Чего ждать? Застыли все. Рассвета дождемся — враг перестреляет нас. Нельзя более ждать! Надо идти! — взволнованно гуторит взвод, на что Четин ненатуральным баском прикрикивает:

— Отставить разговоры!

— Вы не правы, лейтенант. Надо двигаться, — тихо и уговорчиво говорит Коншин.

Четин и сам понимает, что ждать больше нельзя, клянет себя, но не знает, куда идти. Ракеты шпарят кругом, и не понять, где же передовая, опасается взводный, что заведет своих неведомо куда... Ему кажется, что надо идти через большак и правее, а сержант доказывает — надо брать левее. Компас у Четина есть, но что компас без карты! И слышит он четкий шепот: «Сколько же стоять еще!..» И тогда принимает решение.

— Сержант, — говорит он как можно тверже. — Я беру одного бойца и иду. Если выйду верно — пришлю его обратно, и он поведет взвод. Если не найду ротного, то вернусь сам, и тогда пойдем по вашему направлению.

— Да я уверен в своем направлении, лейтенант. Уверен.

— Вы поняли меня, сержант? — перебивает он резко.

— Понял! — Отходит от него сержант.

Кравцов уже около часа ждет четинский взвод и своего связного, ругается стоящий около него проводник — грязный, в обожженной шинели боец, которому страсть как не хочется идти обратно, тем более тогда, когда засветлеет, а дело идет к тому. Ругается и начальник штаба, когда видит стоящего Кравцова.

— Вы еще здесь? Где ваша рота? Сквозь же начинает! Какого черта!... — кричит он, не слушая объяснения ротного.

Ругается и второй взвод, продрогший, измаянный долгим ожиданием, который, плюнув на страх и близость передовой, не выдерживает и начинает осторожно покуривать, прячa в рукава шинелей огоньки самокруток.

Ругаются и отделенные командиры, окружившие Коншина и твердящие в один голос — надо идти!

Но колеблется и Коншин — обстановка сложная, надо думать...

— Ну, товарищи, что будем делать? Ждать лейтенанта или трогаться? — обращается он, наконец, к взводу, когда уже ясно, что через полчаса рассветет совсем.

— Трогаться, сержант! — это говорит Савкин, которому лучше других понятно, что надо прибыть на передовую затемно.

— Лейтенант уж, небось, тама...

— Наверно, чего тут...

— Пойдемте, сержант.

— Нельзя больше ждать!

И тогда командует Коншин:

— Взвод, слушай мою команду! — И ведет взвод в избранном им направлении.

Минут через двадцать в снежном дыму стали проглядываться неясные, размытые тени деревьев и крыши домов, но та ли это деревня, к которой нужно? Вдруг другая, вдруг врагом занята? Заведет тогда Коншин взвод прямо в лапы ему. Правда, что-то подсказывает ему — не обманывает его чутье, но взвод все же останавливает. Собирает отделенных на совет — что делать? А тут ракета вдруг, кажется, совсем близко. Без команды падают люди в снег, затаиваются. Что ж решать? Вызывается командир первого отделения идти первым разведать, та ли деревня, что нужна. Развертывает свое отделение в цепь и уходит, а остальные пока лежат в снегу, посматривают вслед — что будет? Что случится?

Но ничего не случается. Благополучно доходит отделение до деревни, и сразу один боец бежит оттуда обратно, значит — за ними! Коншин двигает взвод, и вскоре посреевший Кравцов встречает его руганью — зло и радостно! Когда рассказывает Коншину причину задержки, бросает в сердцах ротный:

— Так и знал, что этот Четин... Принимай взвод и быстро на передовую! Вот проводник, и — бегом, бегом!.. Быстрее! Понял?

— Есть, бегом! Есть, быстрее!

И никаких мыслей, никаких ощущений — скорее, скорее, пока не рассвело, пока спасительная темнота еще скрывает их от противника!.. Скорее, скорее!..

Чуть спустившись с пригорка, на котором деревня, вбегают они в лес — темный, мрачный. На узкой тропке растягивается взвод. Впереди — противник... Торопятся, наталкиваются друг на друга. В полумраке грозно надвигаются на них лохматые ели, бьют по лицам колючие ветви, скользят ноги на обледеневшем проторе, то здесь, то там темными треугольниками виднеются шалаши, а из них — дымки. Жгут, оказывается, костры на передовой. Жгут — не боятся! А они за десять километров папироску прижечь боялись. Вот почему щекочет ноздри пряный запах горящей хвои.

И вдруг — стоп! Замирает Коншин. Цепенеет. А сзади наваливается взвод, чуть с ног не сбивает его... Стоит и смотрит под ноги, а там поперек тропки валяется ствол, словно чье то тело... Темнеет в глазах, а в сердце будто что-очень холодное и острое ударяет. Но — всего только на одно мгновенье, на маленький миг...

Коншин перешагивает через бревно, а за ним и остальные. И — вперед, вперед, к главной черте, за которой самое важное, самое великое... За которой будет испытывать их война и на жар, и на холод, и на излом, и на сгиб... За которой — Победа!.. Только она!..

Передавая корреспонденту «ЛГ» главу из своей новой повести «Селижаровский тракт», писатель Вячеслав Кондратьев сказал:

— В этой повести я хочу показать путь отдельного стрелкового батальона на фронт, путь, который прошел почти каждый из нас, фронтовиков. Ведь каждая война начинается с дороги, с дороги на нее. В повести показан первый бой батальона на ржевской земле, бой за родную землю.

Новая повесть входит в цикл «ржевской прозы», которую практически составляют все мои недавно опубликованные вещи: «Сашка», «Овсяниковский овраг» и другие.

Полностью повесть «Селижаровский тракт» будет публиковаться в журнале «Дружба народов».

Вячеслав КОНДРАТЬЕВ

ТАМ, ЗА ЛЕСОМ...

Альгимантас БАЛТАКИС

Минута молчания

Советским воинам, павшим на фронтах Великой Отечественной войны

Нет, не только над прахом героев
Девятого мая —
Каждым утром
минута молчанья бывает.
Словно горькие слезы,
траву окропляет роса,
И печальными колокольчиками —
ландышей голоса...

Застывают шеренги берез —
караула почетного строй.
Замирает рука над столом —
та, что хлеб нарезала...
Выбиваются краски рассвета
высокой порой,
И в затишье торжественном
стяг подымается алый

Но откуда флагшток
на небесной встает высоте?
Он с зарей вырастает
из ран незаживших солдатских...
Размышляем мы вместе с землей.
Вспоминаем о тех,
Без кого для живых
не могли бы рассветы рождаться.

■

Я будущее вижу
с младенцем на руках...
Саломея НЕРИС

Той крови дороже на свете нету,
Что пролита ради свободы, и тот,
Кто в это не верит, — не будет поэтом:
Из каждой капли роза взрастет.

Ах, алая роза, колючая роза,
Ты душу мою хоть немного утешь!
Наш мир, коронован венцом ты багровым,
Сплетенным из радости, мук, надежд!

Борьба еще жертвы уносит, но верю
Я в завтра — без войны, без войн. И нужны
Нам будут лишь донорской крови потери,
И алая кровь не имеет цены...

Отец солдата

Как ты сед, отец, — о боже!
Что за борозды на коже!
Сколько бед ты раскидал!
Тяжела годов скирда.

За холмами, за лугами
Правит твой отец быками.
Ты — малыш. На бороздe
Сидя ждешь: конец-то где?

Вот и сам за плуг стал важно —
Смена пахарю. Не пашне.
Ой, бороздка-борозда!
Ты закончишься когда?

Как, отец, ты крепок — боже!
Будто тяжких лет не прожил!
Помоложе ты меня —
Пошь в Немане коня.

А пока поил устало —
Сто дорог позарастало.
А пока пары пахал —
Гром двух войн отгрохотал.

Дети выросли у сына...
Бороздит поля машина...

Перевел с литовского
Михаил ДВИНСКИЙ

■

Лишь ветер на спаленных нивах,
но недалек победный май.
Солдатки «жали» молчаливо
крапивы скудный урожай.

Нет мужиков.
А гитлеряги
забрали
всех коней в обоз...
Солдатки заступом вскопали
всю залежь,
горькую от слез,

С глубокой верой в день победный
для всей измученной земли
солдатки сеяли —
в них беды
убить надежду не смогли.

Легло на нивы и на сосны
зимы холодное крыло.
Томясь извечной жаждой весен,
налилось силою зерно.

И пробил час, когда кровавой
войне пришел-таки конец,
и, возвратившийся со славой,
принял к колосьям наш боец.

Вздохнули женщины и деды,
им этих лет не позабыть.
Стоят, добытые Победой,
колосьев тяжкие снопы.

■

Полыхнул грозной летней порой
из-под пепла сожженного Гжатска
на пригорьях могилах солдатских
василечек — цветок голубой.

Не забудет вовеки Земля
о веселых парнях синеглазых,
оживут они в будущих сказах
на страницах грядущего дня.

Перевел с белорусского
Вениамин ЗЛЬКИН

С ПЕРВЫХ ДНЕЙ НА ФРОНТЕ

Кайсын КУЛИЕВ

ПИСЬМО СЫНУ

ДОРОГОЙ мой Алим! С тех пор, как ты служишь в армии, пишу тебе часто. В своих письмах я пытался говорить о любви к родной земле и снегопаде в Чегеме, о священном долге каждого из нас защищать Отечество и цветении абрикоса у нас в саду, о человеческом мужестве и дожде, шуршащем летним вечером на зеленых ветвях чинар в ущелье, о человеческой чести и багровении созревшего кизила на склонах Ак-Су, о поэзии и музыке, театре, кино и книгах, о здоровье твоей мамы, о моей работе — обо всем, что дорого тебе и мне.

Мне радостно было писать тебе о приятном, не желая огорчать тебя, но жизнь, сынок, к сожалению, состоит не из одних радостей.

В моей жизни тоже хватало трудных и горьких дней. И мне, сынок, приходилось идти, зажимая рану рукой, падая и вновь вставая. Я проклинал врагов родной земли, врагов жизни, но саму жизнь не клял никогда, ибо жизнь — это самое бесценное и прекрасное, что есть у нас. Без нее — только мрак и немота. Признаюсь, я много писал о человеческом горе, но ни разу не позволил себе отрицать жизнь, ее свет и смысл. Я считал и продолжаю считать, что речь и слово, являющиеся величайшим достоянием живущих, должны оставаться опорой и поддержкой человека, поэзия обязана даровать силы, а не отнимать их, прославлять созидание как основу жизни, а не отрицать ее великую и бессмертную суть. Поэт всегда, в радости и беде, должен оставаться другом людей, другом тех, кто трудится — пашет землю, варит сталь, печет хлеб, пасет скот. Я так думал, когда зеленели деревья моей весны, так же думаю и теперь, когда зима стучится в мои ворота.

Накануне 35-летия нашей Победы над фашизмом — а это и мой, и твой праздник — я расскажу тебе о тех днях, когда на Советское Отечество обрушилась великая беда. Нашей Родине, каждому из нас пришлось трудно, как никогда, потому что такой войны, огонь которой разожгли гитлеровцы, мир не знал до сего. Вот когда действительно стали необходимыми мужество и стойкость и сознание своей небывалой ответственности перед Родиной, которую надо было отстоять и спасти от жесточайших врагов. Какое счастье, что это оказалось нам под силу!

Когда началась Великая Отечественная война, я был чуть старше тебя и служил в парашютно-десантной бригаде имени С. М. Кирова. Службу военных парашютистов нельзя было назвать легкой. А все равно она мне нравилась, я даже гордился тогда тем, что парашютист, что я вместе с такими храбрыми и самоотверженными людьми. В их молодости и отваге была такая красота! Но «...немногие вернулись с поля», как сказал любимый наш с тобой Лермонтов.

Я расскажу тебе, сынок, только об одном эпизоде войны, который запомнился мне на всю жизнь. То были первые дни неслыханной битвы, дни отступления наших войск и временных успехов фашистских полчищ. Перед нашей небольшой группой парашютистов - подрывников была поставлена задача готовить взрыв большого моста через широкую Западную Двину у Даугавпилса. Гитлеровцы нещадно, день и ночь, бомбили город, аэродром, позиции советских войск, беспрерывно била дальнобойная артиллерия. Казалось, что горели не только дома, сады, машины, но и камни, вода, даже воздух. А мост стоял, фашисты берегли его для себя. Но он был обречен на гибель — мы заложили тысячу килограммов взрывчатки и ждали: нам было приказано взорвать мост в тот момент, когда головные танки врага дойдут до его середины. Вот в таком аду, когда все, кроме этого моста, горело, и казалось, что земля не имеет живого метра, мы напряженно ждали почти двое суток. Да, это были самые первые дни небывалой войны. До этого никто из нас не мог предвидеть, каким будет ее начало. А оно оказалось трагическим. Пропуская наши войска через мост, я и мои товарищи впервые столкнулись с горем отступления. Особенно тяжелое впечатление производили беженцы, ведь среди них было много стариков и детей, беспомощных, усталых, голодных. На белых бородах и бровях стариков лежала густая пыль сухих дорог — пыль беды, а девушки, действительно, as газельими глазами, такие красивые, казалось, рожденные только для радости и счастья, шли с опухшими, избитыми в кровь ногами.

Показалась колонна танков. Они двигались быстро, стреляя на ходу. Мы ждали. Головные танки дошли до середины громадного гудящего моста. Дали наших рвгят, специально выставленных в дозор, дали сигнал — две очереди из автоматов. Мы закрутили машину, и мост был взорван мгновенно. Он рухнул в реку вместе с фашистскими танками...

В тот день на берегу Западной Двины у города Даугавпилса я впервые увидел не только горе, но и стойкость людей, их подвиг на войне. По поведению только этой небольшой группы парашютистов-подрывников, проворливый человек мог бы тогда же сделать вывод, что такой народ непременно победит, несмотря на все тяготы и беды. В их выдержке и самообладании, в том, как они, в тяжелейших условиях выполняя задание командования, твердо и уверенно делали свое дело, ясно отразились те лучшие человеческие и воинские качества, которые дали нам возможность в результате суровейших сражений победить страшного врага и отстоять свое Советское Отечество.

Не знаю, кто из той группы подрывников вернулся домой, но я навсегда запомнил и первую боль от войны, и первый подвиг, их мужество, их стойкость. Ты знаешь мое стихотворение «Реквием», там есть строки, посвященные моим товарищам:

...парашютистам, тем отчаянным, которым я сам закрыл глаза
под влажным косогором...
Мой реквием — бойцам,
что пали в битве честной,
и всем, кто вслед за мной
покинет мир чудесный,
падет, чтоб жизнь жила!
Впоследствии, когда от меня жизнь требовала выдержки, терпеливости, мужества, я вспоминал моих товарищей на берегах Двины в первые дни великой войны.

Что бы ни было, жизнь будет требовать и от тебя, сынок, мужества и твердости, и ты всегда должен быть готовым к этому. Ничей путь от начала до конца устлан цветами не бывает. В жизни всякое может случиться. Помни об этом, сын. Я не поучаю тебя, а говорю то, что знаю по собственному нелегкому опыту: человек должен воздавать землю, в которой покоятся его предки, лежит мастера и герои, землю, которая дает ему хлеб, воду, вино, землю, на которой качалась его колыбель и мать кормила своей грудью, землю, где для него зеленеют деревья и белеет снег. Землю, которая была его первой радостью и станет последним приютом. Родная земля требует от своих сыновей любви и преданности, труда и мужества. Она требует защиты от врагов. Всегда было так.

Я уверен, Алим, что ты поймешь сказанное мною в этом письме и примешь как отцовский завет на всю твою жизнь. Поздравляю тебя с нашим великим праздником — Днем Победы. Обнимаю...

НАЛЬЧИК

К. Кулиев, А. Кешоков, В. Гоффенштефер. Южный фронт. Лето 1943 года.

Все люди, пережившие в сознательном возрасте войну, помнят ее начало, ее самый первый час и день. Вы отчетливо помните, где вас застал этот голос из репродуктора, вы можете и сейчас, спустя много лет, рассказать, какая была в этот день погода, как вы собирались провести этот летний воскресный день и как потом провели его — час за часом, после обрушившегося на всех удара.

Но сегодня, в преддверии Дня Победы, который мы отмечаем в тридцать пятый раз, вспоминается, естественно, не начало войны, а ее конец. День, которого так ждали все эти четыре трудных года, к которому так долго и трудно шли, за который так дорого заплатили... Этот день и не может не быть самым памятным, ведь все остальные были его предчувствием, его ожиданием.

Этот день был не только Концом, он как бы был Началом. В этот день рождались самые смелые планы, самые радужные надежды. Пусть им никогда не дано было осуществиться. Но как они согревали нас тогда!

Дом перестал быть мечтой далеких и не совсем реальной. На войне понятие «дом» приобретает двоякое значение. Есть где-то дом — такое обжитое место на земле, семья, родные места, родные лица. Но есть и другой, сегодняшний, реальный дом, который перемещается вместе с тобой — твоя рота, твоя батарея, короткий бивак в тяжелом пути. Мы говорили «пойдем домой», имея в виду землянку, лишь вчера отрытую, бункер, только что оставленный гитлеровцами.

Хорошо, когда это был действительно дом — стены, пол, крыша над головой, теплая печь.

Для меня, мобилизованного в первые дни войны, на все четыре года домом стала редакция фронтовой газеты «Красноармейская правда». С этим домом я прошел путь от Вязьмы до Москвы и от Москвы до Кёнигсберга. В этом доме (как и в других редакциях военных газет) рождались на наших глазах литература войны — произведения, которым суждена была долгая и славная жизнь, и другая, повседневная, злободневная, которая тем не менее именно тогда была так важна, так нужна людям.

Я помню наш дом первых дней войны — блиндаж, вырытый бывалым солдатом (Морис Слободской и я были на этой стройке только подсобными рабочими) Алексеем Александровичем Сурковым. В этом блиндаже он прочел нам стихи «Бьется в тесной печурке огонь». «Вот, ребята, — сказал он нам, — романс написал!» Знал ли он тогда, что «Землянку» будут петь миллионы людей в нашей стране и за ее пределами!

«Красноармейская правда» стала колыбелью Василия Теркина. Первые главы «Книги про бойца» были напечатаны на страницах этой газеты после того, как подполковник Александр Твардовский прочел их нам — первым, потрясенным слушателям в замаскированном вагоне-редакции весной сорок второго года. Газета публиковала главы поэмы по мере того, как они рождались.

Рассказ «Март — апрель» Вадима Кожевникова впервые увидел свет в «Красноармейской правде». В первые дни с нами был поэт Михаил Матусовский до того, как был ранен под Духовщиной. В течение всех четырех лет в газете печатались стихи, сатирические фельетоны и публицистические статьи Мориса Слободского. Здесь печаталась писательская деятельность Евгения Воробьева.

Но я хотел рассказать о самом памятном дне, о дне Победы. Он настиг нас в небольшом, чудом уцелевшем восточнопрусском городке и был необыкновенно ярким, солнечным, таким, для этого времени года. А может быть, нам тогда так казалось. Мне и сейчас кажется, что никогда в жизни ни до, ни после — так ласково и ярко не сияло солнце. А ведь я побывал с той поры (если бы это сказали мне тогда!) и в южных, жарких странах.

Сияло солнце, сияли вокруг человеческие лица — знакомые и незнакомые. Люди пели, смеялись и плакали, не стесняясь, не скрывая слез. Солдат, что упорно повторял множество раз одну и ту же фразу: «Сегодня люди перестали убивать друг друга!», брел без дороги, спотыкаясь, — слезы застилали ему глаза.

В этот день многим из нас казалось, что отныне военная тема надолго будет закрыта для литературы и искусства. Что измученным войной людям не захочется и читать, ни слышать о войне, ни о чем, что о ней напоминало бы. Что темой книг и картин отныне будут только мирный труд, любовь, земные зори и цветущие луга.

Александр Трифонович Твардовский писал вечером этого дня:

Песня новая нужна,
Дайте срок, придет она.

Но прошел год, и он написал «Я убит подо Ржевом». И пять, и десять, и двадцать лет спустя жестокая, цепкая память не отпускала, возвращала его к войне. Вот что писал он сам: «Невечное обязательство живых перед павшими за общее дело, невозможность забвения, неизбывное ощущение как бы себя в них, а их в себе, — так приблизительно можно определить эту мысль и чувство. Они составляют, как говорится, пафос и написанного после «Я убит подо Ржевом» стихотворения «В тот день, когда окончилась война», и многих других, вплоть до совсем недавних строчек...

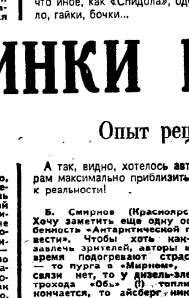
Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там,
И не в том же речь, что я их мог,
Но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, и все же...»

Эти, как мне кажется, самые сильные, самые точные, самые пронзительные стихи о войне, то есть о чувствах людей, переживших ее, Твардовский написал спустя два мирных десятилетия.

Сколько прекрасных книг, сколько стихов, песен, живописных полотен, спектаклей, кинофильмов о Великой Отечественной войне было создано за эти тридцать пять лет! И сколько еще напишут, поставят, нарисуют в будущем! Уйдет наше поколение, пережившее войну, а темы этой войны — великого мужества, великого товарищества не уйдут вместе с нами — живыми свидетелями, рассказавшими о них, кто как сумел.

...А что до дня Победы, то я уверен: и в том опрятном, почти не тронутом войной прусском городке, и в разбитом Сталинграде, и на Красной площади в Москве, и в любой самой маленькой малой деревушке люди испытывали чувства, столь однородные, что и описывать свои не стоит.

Поклонимся тем, кто принес нам Победу — живым и мертвым.



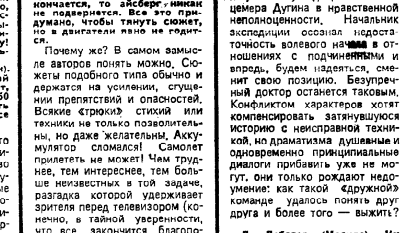


Рисунок художника О. Верейского для страницы газеты «Красноармейская правда».

Заставка к главам поэмы А. Твардовского «Дом у дороги», 1944.

В Кёнигсберге. 1945.

Рисунок из отдела юмора. 1944. «Дорогой боец! Я вас не знаю, но надеюсь, что мой скромный первомайский подарок пригодится вам. Когда вы будете бриться и курить эту трубку, вспоминайте уважающую Вас Нину».

Дом у дороги

Орест ВЕРЕЙСКИЙ

МАЙСКОЕ СОЛНЦЕ

В том, что они —
Остались там,
И не в том же речь,
Что я их мог,
Но не сумел сберечь. —
Речь не о том, но все же, все же, все же...»

Я был командиром отделения разведки зенитной батареи. Четыре пушки, калибр снаряда довольно приличный — восемьдесят пять миллиметров. Входила батарея в отдельный дивизион РГК — резерв главного командования, могли послать куда угодно. Кроме самолетов, вели огонь и по наземным целям. Но миномётным батареям, по скоплению войск противника. Выставляли зенитки и против танков. Поэтому в запасе всегда был комплект бронебойных снарядов.

Под Ленинградом, уже в красноармейской форме застал меня первый день Великой Отечественной. Потом было много их, похожих один на другой, и, возможно, сохранилось в памяти не главное. Ей ведь не прикажешь — это сберегли, а это забыли. Признаюсь: я сейчас войну вспоминаю, как детство. С какой-то светлой печалью. Страшное, горькое временем скрыто, а Победа осталась.

Среди зрителей народного артиста СССР Юрия Никулина поныне встречаются люди (с годами, и сожалению, их становится все меньше), которые в цирке, киноэкране вместе с улыбкой не могут сдержать слез, не поделиться со знакомыми и незнакомыми: «Это же наш старший сержант Никулин! Всю войну прошли рядом»...

Юрий НИКУЛИН

«ЧТО НИ ГЛАВНЕЕ, НИ ВАЖНЕЕ Я НЕ УВИЖУ В СОТНЮ ЛЕТ...»

Юрий Никулин Фото 1941 года

чувство честно выполненного долга осталось, фронтовая дружба, приметные мелочи нашего солдатского бытия тоже живы.

Отзывается неожиданно. Когда я вижу кусок хлеба, брошенный на землю, вспоминаю сразу блокаду, Ленинград, передовую в нескольких километрах от города. И свое тогдашнее ощущение, что никогда больше в жизни досыта не наемся.

Как первый раз табак нам привезли во время блокады — помню. Мы давно не имели курева, и вдруг 23 февраля 42-го года дают граммов по девять—десять на брата. И табак потрясающий, не махорка — «Золотое руно». Скрутили на несколько человек одну цигарку, чтобы распечатать удовольствие, так у меня от пары затяжек даже в глазах потемнело. Хорош был табачок!

Когда спрашивают, не боялся ли я на войне, отвечаю: боялся. Было страшно. Сколько мне лет в сорок первом — девятнадцать. И раньше «на гражданке» видел смерть, бабушка умерла, кто-то из соседей. Но когда первый раз увидел убитого человека на фронте, меня это потрясло. Только что был живой, не болел ничем, и вдруг его убили. Он ведь тоже, как я, считал, что пуля минует, надеялся... И хотя смерть на войне привычна, привыкнуть к ней нормальному человеку нельзя.

Да, было страшно. Никогда не забуду, под городом Тарту танки шли прямо на нас, «в лоб». Это совсем по-другому, чем самолет наверху, он все-таки в небе, не на земле.

Километр с небольшим до них оставался. Вроде бы много, только когда гудящая стальная махина у тебя на глазах растет, понимаешь, какое же эта тысяча метров маленькое, ничтожное расстояние. Здесь вышли с фланга наши танки, зажгли один «тигр», остальные повернули. И вот сколько лет вижу один и тот же сон: фашисты наступают, а мы зарылись в землю, и никто не стреляет, и я не могу двинуться... Даже сейчас не отпускает.

Конечно, помню свой день Победы.

Чувствовали, все идет к концу. Берлин уже взяли. Но Берлин от нас далеко, мы в Курляндии, там отсечена трехсоттысячная фашистская группировка. Стрельба продолжается, самолеты летают. Стоим в болоте, особенно в грунт не зароешься, если ты в земле, и никто не стреляет, и я не могу двинуться... Даже сейчас не отпускает.

Конечно, помню свой день Победы.

Чувствовали, все идет к концу. Берлин уже взяли. Но Берлин от нас далеко, мы в Курляндии, там отсечена трехсоттысячная фашистская группировка. Стрельба продолжается, самолеты летают. Стоим в болоте, особенно в грунт не зароешься, если ты в земле, и никто не стреляет, и я не могу двинуться... Даже сейчас не отпускает. Конечно, помню свой день Победы.

Чувствовали, все идет к концу. Берлин уже взяли. Но Берлин от нас далеко, мы в Курляндии, там отсечена трехсоттысячная фашистская группировка. Стрельба продолжается, самолеты летают. Стоим в болоте, особенно в грунт не зароешься, если ты в земле, и никто не стреляет, и я не могу двинуться... Даже сейчас не отпускает.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ ПРИШЕЛ КАК ОСВОБОДИТЕЛЬ

На вопросы корреспондентов «ЛГ» В. Ломейко и О. Прудкова отвечает член Военного совета, начальник Политуправления Группы советских войск в Германии (ГСВГ) генерал-полковник И. С. МЕДНИКОВ.

«ЛГ»: Советский народ и народ ГДР, воины этих дружественных стран отмечают 35-летие разгрома фашизма. Что, на ваш взгляд, определяет политическую атмосферу этого знаменательного события?

И. МЕДНИКОВ: Сейчас проходят митинги в десятках и сотнях населенных пунктов и городов ГДР, посвященные 35-летию их освобождения. Участники этих митингов высказывают глубокую признательность и благодарность Советской Армии, воину Страны Советов, Советский солдат пришел в Европу как освободитель народов от фашизма. И то, что 35 лет народы Европы живут в условиях мира, — в этом первостепенное, непреходящее значение победы над фашизмом. Мне довелось испытать тяготы войны непосредственно на фронте. И я глубоко удовлетворен, что наши немецкие друзья из ГДР воздают должное в эти дни советским воинам. Они подчеркивают, что еще не был подписан Акт о безоговорочной капитуляции гитлеровских войск, а советское командование уже принимало неотложные меры по нормализации жизни в обезображенных городах и селах Германии. «Трудно представить себе, — вспоминает одна из жительниц Берлина Эдит Хёлнер, — что было бы, если бы Советская Армия не взялась за наведение порядка в городе, не позаботилась о питании и его санитарных условиях. Возможно, сбылось бы кровожадное желание гитлеровцев, мечтавшего о гибели немецкого народа после войны». Благодаря помощи советских властей мы сдвинулись с мертвой точки и приступили к строительству лучшего будущего».

Таким образом, политическая атмосфера этих дней — это атмосфера гордости за успехи, достигнутые за 35 лет, атмосфера дружбы, оптимизма и уверенности в избранном пути строительства социализма и коммунизма.

«ЛГ»: В мае отмечается еще одна важная дата — 25-летие Варшавского Договора. Что вы можете сказать о военном сотрудничестве стран Варшавского Договора, в частности, между Советской Армией и Национальной народной армией ГДР (ННА)?

И. МЕДНИКОВ: Силам реакции и агрессии противостоит оборонительная система государств — участников Варшавского Договора. Всему миру известно, что Советские Вооруженные Силы и вооруженные силы наших союзников за 25 лет существования Варшавского Договора не развязали ни одной войны и не создали ни одного военного конфликта. Прогрессивно мыслящие люди хорошо понимают, что 35-летие жизни народов Европы в мире во многом объясняется мирной политикой социалистических стран и мощным оборонительным щитом вооруженных сил Варшавского Договора, оснащенных современной техникой, хорошо обученным личным составом. Этот могучий военный организм способен обеспечивать успешное решение любых задач, которые будут поставлены нашими партиями, правительствами и народами.

Что касается боевого содружества наших армий, я могу сказать по их примеру: ГСВГ и ННА ГДР. Символом тесного единства наших братских армий стал лозунг «Братья по классу, братья по оружию — вместе непобедимы». В этой фразе заложен глубокий смысл. Мы вместе решаем задачи по освоению техники, обмениваемся опытом по обучению и воспитанию личного состава. Мы полностью разделяем мнение министра национальной обороны ГДР, генерала армии Г. Гофмана, что «воинствующие ННА ГДР вместе с воинами ГСВГ несут особую ответственность за защиту мира и социализма в сердце Европы».

«ЛГ»: После выступления Л. И. Брежнева в октябре 1979 года в Берлине прошло более семи месяцев. За это время резко изменилась международная обстановка. И все же сказанные в октябре слова не расходятся с делом. Как вы характеризуете атмосферу, в которой происходит вывод советских войск из ГДР?

И. МЕДНИКОВ: Личный состав ГСВГ, как и весь советский народ, горячо одобрил конструктивные предложения, высказанные Л. И. Брежневым в октябре 1979 года. Мне как одному из участников исполнения решения Советского правительства хотелось бы отметить, что эти предложения подкреплены практическими делами. Осуществлена отправка не одного десятка эшелонов с личным составом и боевой техникой, именно в этом заключается истинный реализм и жизненная сила советских мирных предложений. До практического осуществления вывода войск из ГДР в западной печати и других средствах массовой информации выдвигалось немало прогнозов. Одни утверждали, что будут выводиться не войска, а разрозненные группы военнослужащих, другие предсказывали, что будет выводиться только старая техника и т. п. Но когда начался вывод войск и при этом присутствовали представители средств массовой информации всех стран, аккредитованные в ГДР, то они убедились, что выводятся настоящие боевые части с современными танками, артиллерией и другой военной техникой.

Иностранные корреспонденты увидели не только современную военную технику, но имели возможность задать различные вопросы советским воинам. Представители прессы капиталистических государств увидели, как тепло, по-братски провожали советские части граждане ГДР. Многие наши воины были отмечены наградами ГДР, почетными знаками общественных организаций республики. Это были трогательные проводы настоящих друзей.

«ЛГ»: В мае сего года состоится очередная сессия совета НАТО, где вновь будут обсуждаться дальнейшие наращивание военных сил. Что вы можете сказать об этих планах НАТО?

И. МЕДНИКОВ: Некоторые деятели стран НАТО вынуждены признать конструктивный характер советских предложений. Они не желают превращать территории своих стран в стартовые площадки американских ракет. Как говорится у военных людей, они не хотят вызывать огонь на себя. Однако США оказывают давление на эти страны, пугая их затасканным мифом о советской военной угрозе. Этот миф, как правило, используется тогда, когда нужно активизировать гонку вооружений. По оценке самих иностранных специалистов, плотность вооруженных сил в Европе в 6 раз выше, чем в Азии, в 20 раз выше, чем в Латинской Америке, в 30 раз выше, чем в Африке. Народы Европы, уже пережившие трагедию двух мировых войн, не хотят быть втянутыми в горнило жестокой мировой ядерной войны.

БЕРЛИН

СЕМЬ ДНЕЙ В МАЕ...

ПУЛЬС НЕДЕЛИ

ПРИЗЫВ К ЖИЗНИ

В Париже успешно завершилась встреча коммунистических и рабочих партий Европы за мир и разоружение

В Рей-Мальмэзон — южном пригороде Парижа месье Сильвен-Жак Пласэ принимает клиента. «Видите ли, говорит он, в момент взрыва важно уберечься от сверхзвукового давления, которое обрушивается на убежище. Затем встает вопрос о хранении продуктов на период, пока местность очистится от радиоактивного заражения. Желательно запастись консервами и водой недели на две. Где выход из убежища? Он здесь — через крышу. Для пожилых предлагается специальная лесенка»...

Так начинается репортаж, опубликованный в еженедельнике «Нувель обсерватёр». Приведенный разговор проводит в бюро фирмы по строительству индивидуальных атомных убежищ. Стены бюро для внушительности обклеены цветными фотографиями ядерных взрывов. Автору репортажа, например, импонирует зрелище испытания французской бомбы. Она кажется ему «сказочным фиолетовым грибом». Куда мрачнее то, что должно отождествляться с советским ядерным испытанием — «беспощадные облака, летящие из Сибири».

Так или иначе — картинка знаменательная. Сторонники атлантизма не прочь поиграть на нервах и использовать «беспощадные облака» и мифическую «советскую угрозу», чтобы затащить страну, где живы традиции независимости, под американский «ядерный зонтик». Обо всем этом мы беседуем с Луи Арагоном.

— Что вы хотите, — говорит он. — Я знаю семью, которая продала свой дом и переселилась в провинцию. Они боятся жить в Париже...

Беседа с французским поэтом проходит в фойе отеля «Мередиан», где завершилась встреча коммунистических и рабочих партий Европы за мир и разоружение. Предупредив об опасности, которую несут миру авантюристические акции империалистических кругов и решение о размещении американских ракет в Западной Европе, посланцы ряда коммунистических и рабочих партий призвали народы к борьбе за то, чтобы людям никогда не нужно было прятаться в бомбоубежища. Они приняли эстафету борьбы за мир, поднятую здесь, на французской земле, общественным деятелем, который лучше, чем кто-либо другой, представлял себе последствия атомной бойни — ученым-физиком Ф. Жолио-Кюри.

Принятый на парижской встрече призыв обращен к людям самых различных политических взглядов и верований. Его принятию предшествовала свободная двухдневная дискуссия. Красной нитью в выступлениях участников форума проходила мысль о том, что встреча коммунистических и рабочих партий Европы особенно актуальна сейчас, когда мир и разрядка находятся под угрозой и необходимы дружественные усилия всех миролюбивых и демократических сил, чтобы предотвратить эту угрозу.

С большим вниманием было встречено выступление кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева, содержащее глубокий анализ современной международной жизни, опасностей, вытекающих из «доктрины» и практики антиразрядки, проводимой США и НАТО, а также тех актуальных мер, которые коммунисты могут и должны предложить народам для борьбы с угрозой, нависшей над Европой и миром.

«Это была конструктивная встреча, — заявила вашему корреспонденту Франсетт Лазар, член Политбюро ФКП. — Принятый на ней призыв позволит предпринять новые усилия и совместные инициативы по защите мира и разоружению в Европе».

«Мы думаем, что встреча была весьма позитивной, — сказал нам член Политбюро ЦК Компартии Греции С. Цвиос. — Подчеркивая опасность действий американских империалистов, участники встречи вместе с тем отметили, что имеются возможности предоставления лишних трудностей на пути к ухудшению международной обстановке, если к этому будут привлечены и другие партии и силы».

«Встреча проходила в очень хорошей атмосфере, — говорит член ЦК Португальской компартии К. А. Инглесш. — Она была отмечена духом товарищества и откровенности. Мы уверены, что попытки наиболее агрессивных кругов империализма возродить «холодную войну» натолкнутся на растущее сопротивление народов Европы».

«Встреча отмечена благородным призывом к жизни», — заключил Луи Арагон, участвовавший в этой важной работе на благо мира.

КОРР. «ЛГ»

ПАРИЖ

ПРОДОЛЖАЯ ТЕМУ

АВАНТЮРА СОРВАЛАСЬ. ЧТО ДАЛЬШЕ?

„Но жизнь есть жизнь. С прошлого лета популярность Картера стала падать. Груз невыполненных обещаний тянул его книзу. Гиперы висели на нем энергетическая проблема, инфляция, безработица, угроза спада. Он пошел навстречу правым и затянул ратификацию Договора об ОСВ-2. Осенняя пропагандистская кампания против Кубы дала не слишком много, если не сказать — ничего. А год президентских выборов ведь особый год. Все можно, даже если нельзя, хотя бы и во вред стране — лишь бы шло на пользу президенту, добивающемуся переизбрания. Все подготовки, однако, выступать в такой год нельзя. Очевидно, тогда и решили, что проблема заложников найдет у избирателей «хороший спрос». К тому же календарь подсказывал первая годовщина захвата заложников приходится на 4 ноября, то есть на день президентских выборов. Одному вашингтонскому обозревателю, правда, показалось, что судьба так самым зло подшутила над Картером. А кто знает, может, он, Картер, скорее узрел в этом совпадении ее перст?

И вот стали писать об ущемлении национальной гордости, об унижении чести Америки. Достоинство Ирана в счет не бралось. Учли и тот сдвиг вправо вправо, который особенно проявился два года назад, когда взбунтовались собственники недвижимости. А этих людей ничего не стоило запугать тем, будто кризис в районе Персидского залива зазвался до конца столетия. Философия успеха в Америке учит: победителей не судят и все средства хороши. Ну и стали бить в одну точку — заложники, заложники, заложники... А что — заложники? Давно и не было бы никакой с ними проблемы, если бы Америка признала свою ответственность за преступления шахского режима. Между тем даже сейчас 64 процента из тех 742 человек высказались против извинения перед Ираном.

И победы было бы, если бы человек с улицы только качал головой: «Ах, какие они плохие, эти студенты!» Нет, телевидение и пресса навязывают ему одну мысль: «Америке наступают на мозоли — и кто?!» Шовинизм потянул за собой расизм. Но что говорить о человеке с улицы, если солидные обозреватели опускаются до таких выражений, как «тегеранское отребье» и «тегеранский сброд?! Оба, кстати, принадлежат Джеймсу Рестону и не делают ему чести. Но когда их повторяют изо дня в день и многие другие, дополняя еще и призывами «проучить» Иран всеми средствами, вплоть до бомбежек, тогда толпа почти уже готова восславиться.

Между прочим, Рестон («и вполне серьезно», как он оговаривается) и «злодеяния, подувшим Картера «что-то делать», причислил к своему «первому приятелю» Уолтера Кронкайта (телевизионного обозревателя, о котором в прошлом номере «ЛГ» была напечатана статья). «Да, Уолтер», как шутливо называет его Рестон, «неожиданно начинал свою передачу новостей с 4 ноября, то есть на день президентских выборов. Одному вашингтонскому обозревателю, правда, показалось, что судьба так самым зло подшутила над Картером. А кто знает, может, он, Картер, скорее узрел в этом совпадении ее перст?

накаляло атмосферу. Обман будущих избирателей нарастал. Эх, если бы они знали, что уже на пятый день после захвата посольства, 9 ноября, президент отдал приказ готовить вооруженную операцию против Ирана! Что уже 20 ноября все новые варианты были положены ему на стол для рассмотрения. Что с января по апрель Пентагон энергично настаивал именно на военных акциях. И что когда 22 апреля в интервью телекомпании Си-би-эс президент Картер заявил, что использование силы — это «единственный следующий шаг», а ведущий Кронкайт подчеркнул, что президент «сохраняет свободу рук для военного решения проблемы», до вылета десанта оставалось меньше двух суток.

Сейчас задают вопрос: что будет дальше? Если от покаяний, чтобы Соединенные Штаты «вели себя поумнее» помощники президента отмахиваются, как от чумы, следовательно, это намек на то, что «не исключено проведение в предстоящие месяцы более напористой политики в отношении Ирана». Это слова Дональда Обердорфера из «Вашингтон пост». В сущности, тот же взгляд, имеющий хождение среди официальных лиц в американской столице, передает и Джеймс Рестон: положение в НАТО и «борьба с русскими» приобрели настолько серьезный характер, что Картера необходимо поддерживать до конца года... А отсюда один шаг в сторону того еще более или почти «неконтролируемого шовинизма среди американцев», о котором предупреждало не давно «Нью-Йорк таймс». Будут, значит, и новые военные акции? Очевидно, да. Неспроста ведь на Капитолийском холме создалось впечатление, что президент закусил удила. Пожалуй, это мнение известного историка Артура Шлезингера и объясняет если не все, то очень многое до конца.

Юрий ЯРЦЕВ

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯ

«НЕ ЗАБЫВАЙТЕ УРОКОВ ИСТОРИИ, Г-Н ПРЕЗИДЕНТ»

По какому пути ведет Соединенные Штаты нынешняя вашингтонская администрация? Кажется, вопрос скорее для американского народа. Но и советские люди не могут оставаться к нему безучастными. Пишут об этом и читатели «ЛГ».

Бывший гвардии капитан **И. Н. Устинов** из Цхинвали (Грузинская ССР) осуждает «человека, который занимает пост президента США и проводит такую легкомысленную политику в международных делах». О себе сообщает: «Сам я прожил жизнь не сложа рук: с 28-го года комсомолец, потом армия, участник боев у озера Хасан и на Халхин-Голе и Отечественную прошел от первого дня до Великой Победы. Трижды ранен, один раз контужен...» Что ж, такая биография дает автору полное право сказать: «Неужели г-н Картер думает, что его действия, угрожающие всей планете, будут длиться безнаказанно?!»

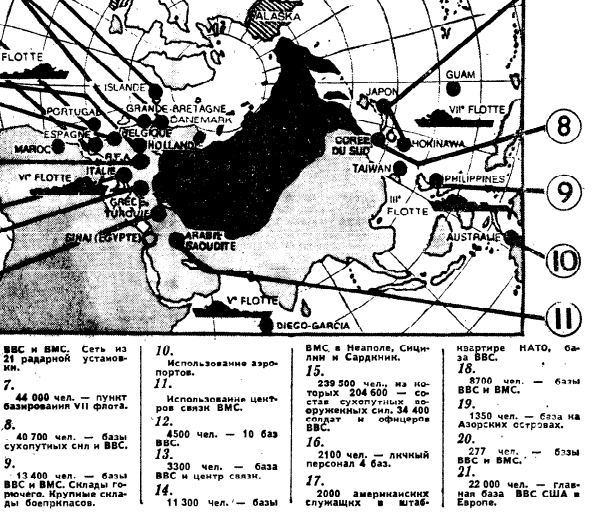
Безрассудная политика картеровской администрации чуть не каждый день подтверждается новыми фактами. Естественно, что люди разных поколений откликаются на них по-разному. Из Кондопоги (Карельская АССР) **А. Романов** прислал очень короткое письмо, меньше двух десятков строк всего-то, в котором сильное личное чувство сливается с отчетливым пониманием угрозы, нависшей над миром. «Мне 30 лет, — сообщает он о себе. — Работаю шофером, жену зовут Ириной, дочку — Светой. А в мае должен появиться еще один новый человек на земле. Сейчас полночь, жена и дочка спят, а я вот не могу не думать о будущем — своем и детей. И я хочу спросить г-на Картера: на что он надеется, размахивая ракетами, «китайскими картами» и авианосцами? Десять лет назад я отслужил службу в Советской Армии и хоть немного представляю себе, какой огромной разрушительной силой обладает современное вооружение. Похоже, что ни вы, г-н президент, ни заправилы военно-промышленного комплекса ни разу не подумали об этом серьезно».

Достойную отповедь курсу Вашингтона дает бывший белорусский партизан, учитель кашинской средней школы из Витебской области **Ф. П. Баранов**. «Шутить посмертно-гибнуть (как Гитлер) развязать войну! Он почувствует, как у него под ногами будет гореть земля. Мы не забыли и никогда не забудем Великую Отечественную войну, в которой погиб каждый четвертый житель моей республики. Мрачные годы немецкой оккупации у нас помнит каждый, кто тогда жил, потому что забыть этого нельзя. Гитлеров ждет позорный конец, кое-кто в этом должен увидеть намек. И вы, г-н президент, задумайтесь над тем, что вам говорит простой советский человек, и сделайте выводы».

Эту мысль — пусть Картер не забывает уроков истории — разделяют все авторы процитированных нами писем. Она тем более своевременна в канун 35-летия Великой Победы, одержанной советским народом над фашизмом. Нам эта дата дорога как память. Хорошо, если современным гегемонистам, рвущимся в мировые жандармы, она послужит предостережением на будущее.

Базы агрессии США

На этой картосхеме помечены страны, где расположены главные военные базы и объекты вооруженных сил США, размещившиеся вокруг государств социалистического содружества. Она иллюстрирует доклад экспертов Пентагона и государственного департамента от 1979 года. С тех пор многие базы были дополнительно оснащены и модернизированы. Карта, в частности, не отражает всех постоянно перемещаемых ВМС США, так же как и присутствия во всех морях мира десятков американских ядерных подводных лодок и ракетоносителей, оснащенных новейшими ядерными боеголовками.



1. 2500 чел. — база ВМС.
2. 4000 чел. — базы ВВС и ВМС.
3. 9300 чел.
4. 5000 чел. — база.
5. Базы ВВС и ВМС.
6. 5550 чел. — базы ВВС и ВМС. Сеть из 21 радарной установки.
7. 44 000 чел. — пункт базирования VII флота.
8. 40 700 чел. — базы сухопутных сил и ВВС.
9. 13 400 чел. — базы ВВС и ВМС. Склады горючего. Крупные склады боеприпасов.
10. Использование аэропортов.
11. Использование центров связи ВМС.
12. 4500 чел. — 10 баз ВВС.
13. 3300 чел. — база ВВС и центр связи.
14. 11 300 чел. — базы ВМС в Неаполе, Сицилии и Сардинии.
15. 239 500 чел., из которых 204 600 — состав сухопутных вооруженных сил, 34 400 солдат и офицеров ВВС.
16. 2100 чел. — личный персонал 4 баз.
17. 2000 американских служащих в штабе квартире НАТО, база ВВС.
18. 8700 чел. — базы ВВС и ВМС.
19. 1350 чел. — база на Азорских островах.
20. 277 чел. — базы ВВС и ВМС.
21. 22 000 чел. — главная база ВВС США в Европе.

Из газеты «Юманите» (ФРАНЦИЯ)

РЕПЛИКА

ИНДУЛЬГЕНЦИЯ НА БУДУЩЕЕ

Патриарх американской печати газета «Нью-Йорк таймс» выступила недавно со статьей о пропаганде. Статья называется так: «Настало время и для нас пользоваться пропагандой!». А заканчивается абзацем, в котором сказано: «Итак, правда не дает тех результатов, на которые надеются наш конгресс и большинство наших чиновников».

Между заголовком и последним абзацем статьи се автор доказывает необходимость «агрессивной пропаганды». Если избавиться от прозрачных эвфемизмов, то смысл призыва ясен: нечего стесняться, время для Америки сложное, очень сложное, одной правдой не проживешь, нужно лгать. И лгать агрессивно, напропалую!

Прямо скажем, призыв запоздалый, запоздал он ровно на столько времени, сколько существует сама газета «Нью-Йорк таймс» и другие средства массовой информации, обслуживающие американский империализм.

Не углубляясь в давнюю историю, достаточно вспомнить, как американская печать лгала «о нападении» вьетнамцев на американский военный корабль в Тонкинском заливе (знаменитый «тонкинский инцидент», послуживший предлогом для расширения войны США против Вьетнама), хотя никакого нападения вьетнамцев не было, оно было инсценировано самим Пентагоном в лучших традициях американских мистификаций такого рода.

А вспомните долгую ложь по поводу того, что США не оказывали помощи диктатору Сомосе, или о том, что ЦРУ не принимало участия в убийстве Альенде. Не Гевары, Патриса Лумумбы, что США не имели отношения к интервенции против Кубы, против Гватемалы, против Доминиканской Республики...

Да разве перечислишь все примеры большой и малой лжи, к которой вот уже столько времени прибегают и американская пресса, и американское правительство, и американский конгресс!

Одним словом, можно только рассмеяться над запоздалым призывом газеты «Нью-Йорк таймс».

Однако смех — вовсе не та реакция, ради которой написана статья. И не на экскурсы в прошлое рассчитана она. Она рассчитана на день сегодняшний и завтрашний.

Американская пропаганда лжет ежемнутно. Лжет об Афганистане, лжет об Иране, лжет о Сальвадоре, лжет о Ближнем Востоке, о Среднем, о Дальнем, лжет о Европе, об Африке, о Латинской Америке, лжет о собственной стране и, конечно, о Советском Союзе.

И не прохотит она, чтобы она не попадала в скандальное положение, когда обман разоблачают.

Была запущена ложь: «Советские войска в Афганистане применяют химическое оружие». Она лопнула немедленно — ведь ни одного факта, ни одного свидетельства у ее авторов не было, нет и быть не может.

Но мало того, стала известна правда о том, что подлыми слухами выдумки США сами снабжают банды, направляемые в Афганистан, химическим оружием. На пресс-конференции по этому вопросу, устроенной в Кабуле, афганские и иностранные корреспонденты могли видеть американские гранаты с отравляющими веществами, которыми была вооружена банда, разрушенная в 60 километрах от Герата, могли слушать показания свидетелей — участников этой банды.

Была запущена ложь о том, что мятежники захватили аэродром в Баграме. И эта ложь лопнула немедленно. Как раз в тот самый день, когда «Голос Америки» перезвал о «захвате» Баграма, я вместе с корреспондентами Советского телевидения находился именно там. Мы фотографировали и снимали для телевидения, как афганские летчики готовятся к воздушному параду, посвященному 2-й годовщине апрельской революции.

Одним словом, скандал за скандалом.

И статья, появившаяся в «Нью-Йорк таймс»,— это не столько призыв ко лжи (зачем призывать к тому, что всегда в практике американской пропаганды!), сколько попытка оправдать тот позор, к которому неминуемо ведет каждая разоблаченная ложь.

Для этого и нужна удивительная по цинизму фраза: «Правда не дает результатов...»

Статья была нужна «Нью-Йорк таймс» для морального узаконивания и оправдания лжи, для возведения ее в необъемлемый принцип американской пропаганды. И для получения индульгенции на все будущие скандалы, связанные с ее разоблачением.

Попытка не нова, но, пожалуй, впервые она предпринимается столь откровенно.

Генрих БОРОВИК,
спец. корр. АПН
для «ЛГ»

КАБУЛ

АРМИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ, АРМИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ

АНКЕТА

В канун 35-летия Победы советского народа над фашистской Германией редакция «Литературной газеты» обратилась к группе военачальников, участников Великой Отечественной войны, с просьбой ответить на следующие вопросы:

1. Какое событие победной весны 1945 года, после необходимости Европы от оккупантов, вам лично запомнилось в наиболее полной мере?

2. Где в ту пору работали вы и товарищи, которыми вы командовали, какую роль вы играли перед лицом врага, какие задачи вам приходилось решать?

3. Вы знаете, что в ходе войны Вооруженные Силы Советского Союза интернационализировались. Как, по вашему мнению, сказывалось это на боеспособности армии?

На вопросы праздничной анкеты «Литературной газеты» отвечают видные советские военачальники, герои Великой Отечественной войны

И. БАГРАМЯН,

дважды Герой Советского Союза, маршал Советского Союза

1—3. На первые два вопроса, мне кажется, особенно будет ответить вместе.

Я, как и многие другие, мне кажется, не в последнюю очередь, обязан тем, что в 1944 году мне пришлось воевать в составе 1-го Прибалтийского фронта. Мы наступали в Восточную Пруссию, прорвали на Прибалтийском фронте, а до этого — на Ленинградском фронте, 2-й ударной армии, 3-й ударной армии, 3-й белорусского фронта и 1-й Прибалтийский.

Так, этот период начался фактически подобным образом, с прорывом Ленинградского сооружения вот! Конечно, было бы неправильно говорить о каком-то определенном событии, которое запомнилось больше, чем другое. Первая Ленинградская прорывная операция, и мы, и мы, и мы, и мы, не нам досталось 17 мощных дивизий, а каждая из которых равна, по крайней мере, 2-3 дивизиям, — мы, конечно, не могли не запомнить второй прорыв — Прибалтийский прорыв. Конечно, это — мощная подготовительная и мощная бронеударная с авиацией, с артиллерией, с пехотой, с кавалерией, с всем, что называется, — это, конечно, мощнейшая операция. Мы, конечно, не могли не запомнить, что прорывается

ДЕФИЦИТ КАДРОВ

МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? ДОБРО ИЛИ ЗЛО? СТИМУЛ ИЛИ ТОРМОЗ?

МНЕНИЯ

■ ...Кандидат философских наук А. Радов («ЛГ» от 20 февраля с. г.), видимо, справился с задачей — привлечь читателей к дискуссии о дефиците кадров. Он бросил такой парадокс, что многие, видимо, взялись за шариковые ручки.

Вся моя трудовая жизнь связана с угольной промышленностью, а точнее — с одной шахтой — имени Румянцева в Горловке. Фраза «Людей нет» у нас тоже имеет хождение. Но дефицита кадров, то есть неукомплектованности штата до плановой численности, почти не бывает. Шахта давно не выполняет план. Любой из начальников участков сошлется на плохую работу машинного транспорта и недостатки материально-технического снабжения. Последние тоже в основном из-за транспортных перебоев. Не вдаваясь в подробности специфики нашей работы, скажу все же, что большинство дефицитных у нас профессий связано с ремонтом и поддержанием в рабочем состоянии выработок, рельсовых путей, вагонного парка, локомотивов. Наиболее многочисленная специальность — крепильщик — в то же время и самая дефицитная. Считаю, что плановая численность вспомогательных рабочих (вероятно, не только в угольной промышленности) необоснованно занижена. Поэтому даже при укомплектованном полностью штате существует дефицит кадров. При производстве ремонтных работ все более утверждается «аварийный стиль», когда люди перебрасываются с одной горячей точки на другую, латая дыры.

А. АКИМОВ,
горный инженер
ГОРЛОВКА
Донецкой обл.

■ ...Я по профессии социолог, некоторое время работала инспектором отдела кадров. Совершенно согласна с автором статьи «...Тем лучше!» А. Радовым в том, что пренебрежение к механизации ручного труда превращает текучесть кадров в хроническую болезнь. Нередко хозяйственники считают текучесть основной причиной невыполнения производственной программы. Следствие они принимают за причину. Замету попутно, что хозяйственники часто недооценивают социальные проблемы, в том числе и кадровые вопросы, из-за своей неподготовленности. Куда лучше они разбираются в технологии и экономике. Модно стало говорить о совершенствовании психологического климата в коллективе. А как его совершенствовать, если иные хозяйственники, возглавляющие большие коллективы, даже не знают, о чем идет речь?

Н. БОГАЧЕНКО,
социолог
РОСТОВ-на-ДОНУ

■ **Дефицит кадров не помогает росту производительности труда, он дезорганизует трудовую дисциплину, и тут можно понять начальника производства А. Новикову, заявляющую, что она боится идти на работу.**

Убежден, что те или иные формы соревнования за то, чтобы иметь квалифицированную работу, у нас должны быть. На одной воспитательной работе далеко не уедешь, нужны и меры принуждения, особенно для лодырей и равнодушных, а они у нас не перевелись.

Однако главным рычагом поднятия дисциплины и организованности в процессе труда является подбор и воспитание руководящих кадров и спрос с них за порученное дело.

Руководителям предприятия, совхоза, колхоза может быть далеко не каждый инженер, агроном, техник. Как показывает опыт, из сотни инженеров один-два обладают качествами руководителя: способностью повести за собой коллектив людей, организовать производительный труд большого количества людей, доводить каждое начатое дело до конечного результата — короче, отвечать ленинским требованиям к руководителю.

Сегодня подбор хозяйственных руководителей, а главное — спрос с них за порученное дело, мне кажется, не на высоте. Этот вывод я делаю потому, что значительная часть заводов, объединений, совхозов и колхозов не выполняет годовых планов, заданий пятилетнего плана. Руководители остаются при этом на своих должностях, находя всевозможные объяснения провалов. Нельзя держать на руководящей должности неспособного товарища, пусть и хорошего в целом человека, слишком дорого это обходится государству.

К. КАРАМЕЛЕВ,
ветеран Великой Отечественной войны
СВЕРДЛОВСК

■ Дефицит кадров существует, он заметно сказывается на работе каждого предприятия. Тех, кто полагает, будто дефицит трудовых ресурсов — мощный стимул развития, хотел бы я видеть на месте директора, у которого пока только 75—80 процентов выполнения государственного плана и осталось до конца месяца 2 дня (заметьте, директор предприятия все, чтобы выполнить план). Или начальника отдела кадров, у которого требуют — давай людей! А кому куда идти? Только в бюро по трудоустройству населения, на которое мало надежды. За три года работы наш завод получил оттуда 35 человек.

Мое мнение таково:

1. Трудовые договора заключать как минимум на пятилетку. 2. К лицам, уклоняющимся от общественно полезного труда более одного месяца, принимать меры судебной ответственности. 3. За допущенный брак в работе, нарушения дисциплины удерживать из зарплаты.

А. СИДОРЕНКО,
начальник отдела кадров завода
ВОРОШИЛОВГРАД

■ Вероятно, нужно согласиться с мнением специалистов о том, то в десятой пятилетке начал ощущаться некоторый дефицит трудовых ресурсов в стране, а в одиннадцатой он будет значительным. Но что же понимать под дефицитом? Если подсчитать трудовые ресурсы, включив в эти цифры домохозяек, которые сейчас не работают, пенсионеров, не вовлеченных в трудовую деятельность, тунеядцев (да, де — их немало), то в абсолютных цифрах этот дефицит почти не будет заметен. Другое дело, если говорить о дефиците рабочей силы в отдаленных районах, районах новостроек — там он, несомненно, более заметен. Где же выход?

По-моему, прав тов. А. Радов, когда говорит о том, что дефицит заставит (и уже заставляет) руководителей предприятий, организаций проявлять больше заботы об улучшении условий труда и быта рабочих. Это будет способствовать сокращению текучести кадров, закреплению их на предприятии, то есть сократит «сиюминутный» дефицит. Так ли мы бессильны перед некоторым дефицитом трудовых ресурсов? Нет и еще раз нет! Тут нужно полностью согласиться с А. Мясниковым — пора всерьез использовать имеющиеся трудовые ресурсы.

Если сложить в масштабах страны, республики и даже крупного города текучесть кадров, целодневные и внутрисменные простои, прогулы, широко практикуемые отпуска на 1—3 дня «по разрешению администрации», потери рабочего времени в различных организациях из-за непродуманного режима их работы и т. д., то окажется, что на все эти «непроизводительные потери» уходит от 20 до 40 процентов драгоценного рабочего времени. Если бы удалось сократить эти потери наполовину, то вопрос о дефиците был бы снят с повестки дня. Это путь самый верный, а главное, он не требует никаких особых капитальных и других затрат. Требует лишь одного — чувства большой личной ответственности всех за каждый час и каждую минуту рабочего времени.

В. КРАСОВИЦКИЙ,
заведующий бюро по трудовому устройству и информации населения
ЯЛТА

Минуло два с половиной месяца с начала дискуссии о дефиците кадров, а уже более четырехсот откликов принесла редакционная почта. Это самое убедительное свидетельство актуальности поднятых вопросов:

Существует ли сегодня дефицит кадров? Если существует, то хорошо это для народного хозяйства или плохо? Если хорошо, то как такую ситуацию использовать на благо всему обществу? Если же плохо, то как с этим бороться?

Отклики продолжают приходить. После открытия дискуссии письмом начальника прядильного производства Минского тонкосуконного комбината А. Новиковой и статьей социолога А. Радова были опубликованы статьи А. Масникова, Т. Дзокаевой и несколько откликов читателей («ЛГ» от 20 февраля, 19 марта и 2 апреля с. г.). Мы в силах напечатать лишь небольшую часть того, что содержится в редакционной почте. Однако хотим заверить читателей, что все письма внимательно изучаются, многие из них найдут отражение в обзорах, которые редакция намерена подготовить и опубликовать.

Мнения читателей, высказанные ими конкретные предложения будут непременно учтены при подведении итогов дискуссии, которая продолжится, вероятно, до конца нынешнего года.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей статью известного хозяйственника, публициста и ученого Г. Кулагина и письмо из редакционной почты.

ЕСЛИ СОЙТИ С НЕБЕС

Г. КУЛАГИН

НЕДАВНО я побывал на Металлическом заводе, где ранее проработал более четверти века. Сейчас он переживает «второе рождение» — в реконструкцию вложены десятки миллионов рублей. В цехах-дворцах установлено новейшее отечественное и импортное оборудование. Квинтэссенция мировой техники. Все зажимы и перемещения автоматизированы, пульты украшены разноцветными кнопками, многие станки оснащены программным управлением... Но меня неприятно поразила пышная: в первую смену шума меньше, чем раньше было во вторую. Вторая напоминает прежнюю третью. Многие из этих суперсовременных станков стоят — не хватает станочников.

Чтобы работать на этих красавцах, нужны знания, смекалка, внимание, но не нужно даже малой доли тех физических усилий, которые затрачивает, скажем, слесарь-сборщик. И тем не менее, как ни странно, со слесарями легче. Характерно, что в ленинградских ПТУ, готовящих радиомонтажников, электриков и некоторые другие профессии типично ручного труда, — чуть ли не конкурс, а на станочные специальности — хронический недобор. И это не только в Ленинграде. Министр станкостроительной и инструментальной промышленности СССР А. И. Костоусов пишет, что за 1970—1975 гг. парк металлорежущих станков в машиностроении и металлообработке вырос на 20,4 процента, а численность станочников — только на 10,2, и в настоящее время у нас токарных станков больше, чем токарей, в 1,26 раза. Фрезеров больше, чем фрезеровщиков, в 1,6 раза.

Государственная статистика подтверждает: из года в год в целом по промышленности фондоотдача падает.

Вот еще «информация к размышлению». Два прославленных ленинградских объединения. Оба оснащены новейшей техникой. Оба имеют дворцы культуры, бассейны, собственные санатории на юге, больницы, поликлиники, строят много жилья. Но в одном текучесть минимальная, дисциплина высокая, пополнение идет за счет городской молодежи. Во втором — текучесть выше, дисциплина хуже, пополнение происходит за счет приезжих, 15 тысяч рабочих живут в общежитиях.

В чем же дело? Может быть, в первом объединении руководители умные, хорошие, а во втором — не очень? Думаю, что главное в другом: первое объединение выпускает вакуумную и полупроводниковую технику, микрокалькуляторы, а второе — тракторы, прокат черных металлов и прочую крайне необходимую, но менее изящную продукцию.

Поскольку я сам принадлежу к тому поколению избалованных обилием рабочих рук «хозяйственников-прагматиков», которыми так недоволен А. Радов («ЛГ» от 20 февраля с. г.), — сошлюсь и на личный опыт. В течение десяти лет директорства я вместе с нашими инженерными и бытовыми службами упорно занимался литейным производством. Мы провели капитальный ремонт здания, усилили вентиляцию, построили новое землеприготовительное отделение, новую гидроочистку, освоили новейшую технологию формовки на жидкоподвижных смесях, расширили бытовки и складские помещения. Мы выплачивали литейщикам самую большую тринадцатую зарплату, отдавали им львиную долю нового жилья, ввели бесплатные обеды. Я лично часто бывал в литейном цехе и жил его заботами и нуждами. И несмотря на все это, положение с рабочими кадрами становилось из года в год хуже и теперь продолжает ухудшаться. В то же время электроцех, где господствует типично ручной труд, мы не баловали. В него за все годы мы не вложили ни копейки, условия труда и технология практически не изменились. Я поощрял этот цех, дай Бог, раз в год. И тем не менее никаких трудностей с кадрами электриков никогда не испытывали.

МОЖНО согласиться с А. Радовым, мнение которого о «пользе дефицита» я совершенно не разделяю, лишь в том, что общего дефицита в кадрах у нас нет, а есть только частичный. Нет недостатка в молодых людях, желающих стать учеными, артистами, художниками, на худой конец радиомонтажниками, электрощиками, даже слесарями. А вот желающих стать шахтерами, металлургами, станочниками, доярками не хватает.

Известно, какую острую нехватку рабочих кадров испытывают угольная промышленность, металлургия, железнодорожный транспорт. Недаром партия и правительство приняли недавно ряд серьезных решений по закреплению кадров в этих отраслях: повышена зарплата, введена выплата за выслугу лет, сокращен рабочий день, снижен пенсионный возраст. И так обстоит дело не только с рабочими. Хотя наш инженерный корпус превышает американский в три с лишним раза, в выпускаем мы инженеров в шесть раз больше, чем США, в недавнем постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР отмечено, что высшая школа не удовлетворяет потребности в инженерах горнорудной, металлургической отрасли и транспорта. Работники вузов знают, что конкурсы на факультеты, готовящие этих специалистов, из года в год падают.

Так что же делать? Цемент доставлять не вагонами, а самолетами? Нажать на «передовых хозяйственников», чтобы они создали в шахтах такие же условия труда, как в худо-жественной стуии или как в оптическом цехе?

Т. Дзокаева, по статьей которой «Необрая панацея» («ЛГ» от 2 апреля с. г.) я во многом согласен (верно, что стоящую перед нами проблему надо называть не «дефицитом кадров», а диспропорцией; верно и то, что трудовые ресурсы у нас неправильно распределены между различными сферами деятельности и т. д.), тем не менее, думается, чрезмерно уповает в этих вопросах на технический прогресс.

Замечу, что и другая публикация дискуссии, статья А. Масникова («ЛГ» от 19 марта с. г.), также содержащая много верных и справедливых мыслей (верно, скажем, что многие предприятия, и в особенности учреждения, имеют избыток кадров, который тщательно скрывают и сохраняют), впадает в крайность, категорически утверждая, что «никакого дефицита кадров у нас фактически нет» и что он «насквозь выдуман».

Нельзя не видеть, что в ряде отраслей материального производства и сферы обслуживания существует реальный и острый недостаток кадров. Прежде всего там, где надо трудиться в три смены, на открытом воздухе, под землей, в горячих цехах. И было бы наивно думать, что все станет на место и «мнимый» дефицит исчезнет, как только мы приведем в порядок систему планирования и хозрасчетных отношений, которые действительно нуждаются в радикальных улучшениях.

Учитывая обострившуюся демографическую ситуацию и необходимость использования более бедных и отдаленных источников сырья, надо научиться строжайше управлять трудовыми ресурсами. Управлять так — повторю эту мысль Т. Дзокаевой, — чтобы в первую очередь обеспечить нужды всех отраслей материального производства. И прежде всего — озаботиться полным воспроизводством рабочего класса, этой, по известному выражению, главной производительной силы на земле.

Позволю себе высказать утверждение, что в последние годы не только умонастроения части молодежи, но и вся наша система подготовки кадров в какой-то мере подверглись влиянию некоторых мифов, порожденных современной НТР.

Я имею в виду теории некоторых американских футурологов о падении роли рабочих профессий, о возрастании значения «технократуры», «носителей знаний», о наступлении эры ЭВМ, «кнопочной цивилизации», «царства белых воротничков».

В ЭТОЙ связи стоит разобраться, что же происходит в самих США, поскольку масштабы экономики этой страны наиболее близки к нашим. Действительно, в послевоенные годы в США резко сократилась численность работников в сельском хозяйстве при относительной стабилизации численности в сфере материального производства в целом и при быстром росте занятости в сфере обслуживания. Но нельзя забывать о том, что США, выйдя без потерь из войны, активно проводили неоколониалистскую политику, или, проще говоря, жили — и пока продолжают жить — не только за счет своего труда.

Если обратиться к несельскохозяйственным сферам материального производства в США, то мы обнаружим, что в послевоенные годы (1947—1975) численность занятых в промышленности увеличилась на 14 процентов, в строительстве — на 63 процента, а на транспорте и в городском хозяйстве — только на 8 процентов. При этом США предпринимерно свернули добычу нефти и угля за счет резкого роста импорта ближневосточной нефти. Развивая на импортном дешевом бензине автотранспорт, американцы запустили свои железные дороги и городской общественный транспорт.

Сейчас, как известно, они расплачиваются за это острым энергетическим, валютным кризисом, кризисом городов. Сегодня сами американские политики и экономисты весьма встревожены положением своей экономики.

Мне недавно довелось слушать лекцию одного американского профессора. Объясняя причины инфляции и падения производительности труда, он с тревогой говорил о гипертрофированном развитии сферы услуг, в частности банков, страховых компаний, развлекательного бизнеса, рекламных и юридических фирм. «Мы, — сказал он, — отвлекли слишком много людей от производительного труда... На заводы мы умеем сопоставлять затраты с результатами, а в учреждениях люди получают деньги, а что дают — сказать трудно...»

Разумеется, брать пример с США в вопросе распределения трудовых ресурсов нам не следует. Мы питаемся, одеваемся и отапливаем свои дома за свой счет. Да и нет сомнения, что необходимость восстановления своей топливной промышленности, железнодорожного и городского транспорта, переключение энергетики на уголь заставит США увеличить долю занятых в материальном производстве. Но даже теперь 53,2 процента всех работающих по найму в США составляют рабочие, а вместе с конторскими служащими, численность которых, несмотря на «компьютеризацию», растет наиболее быстро, удельный вес работников «обыкновенного» труда за послевоенные годы даже вырос с 60,7 процента до 71,3 процента.

В других капиталистических странах, которые не имели преимуществ США, повсеместно наблюдается быстрый абсолютный и относительный рост числа занятых в материальном производстве. В Японии, например, за двадцать лет (1950—1970) численность работающих в промышленности увеличилась вдвое, а их удельный вес в самодеятельном населении вырос с 24 до 36 процентов. В Италии, соответственно, с 30 до 43, в ФРГ — с 39 до 46.

КОНЕЧНО, технический прогресс сокращает потребность в тяжелом ручном труде и повышает роль профессий с преимущественно умственным характером труда. Но было бы неверно забывать о тех реальных ограничениях в применении новых машин, аппаратов, приборов, технологии и т. д., с которыми хорошо знакомы люди, близко стоящие к технике. Прежде всего высокая степень механизации и автоматизации достижима только при массовом производстве однородной, стандартной продукции — электроэнергии, нефтепродуктов, стального проката, бумаги, синтетических волокон и т. п. Однако в этих отраслях затраты труда собственного персонала составляют лишь незначительную часть всего труда, заключенного в производимой ими продукции. В ней весьма велика доля прошлого труда — шахтеров, лесорубов, моряков, а также машиностроителей, изготовивших турбины, котлы, бумажные машины и прокатные станы.

Никто, наверное, не сомневается, что АвтоВАЗ является одним из самых современных предприятий массового производства. И даже на этом предприятии доля ручного труда в производстве вузовов, на главном конвейере, в корпусе вспомогательных цехов достаточно высока. А помимо того, в себестоимости «Жигулей» труд самих вазовцев составляет лишь 11 процентов, амортизация и плата за фонды — 16 процентов. Зато материалы, энергия и комплектующие изделия — 73 процента! Следовательно, в создании автомобиля в значительно больших размерах, чем сами вазовцы, принимают участие шахтеры, металлурги, строители его цехов и поставщики станков, которые установлены в этих цехах. Конечно, и на шахте, и на стройке тоже действует технический прогресс, но было бы маниловщиной заявить, что в ближайшие годы потребность в физическом труде здесь будет лихвидирована или даже существенно сокращена.

Определяя будущую потребность в трудовых ресурсах, необходимо считаться и с тем, что технический прогресс должен перекрывать неблагоприятные тенденции, связанные с использованием более бедных и труднодоступных источников сырья, а также затраты труда на восстановление природных ресурсов. Поэтому новая техника и технология часто приводят не столько к сокращению общих затрат труда на производство того или иного продукта, сколько к перемещению этих затрат, главным образом в сферу машиностроения.

А вот еще один из современных парадоксов: именно быстрый прогресс техники, быстрая сменяемость моделей машин привели в последние годы к восстановлению и расширению позиций мелкосерийного и индивидуального производства, в котором удельный вес ручного, физического труда значительно выше, чем в массовом производстве.

Напомним и о том, что новая техника не самоцель: она полезна лишь тогда, когда ее применение сокращает суммарные затраты труда на единицу полезного продукта. В ряде случаев даже при наличии технической возможности механизация тех или иных видов труда просто экономически не оправдана. В реальной жизни приходится считаться и с ограниченностью капиталовложений, производственных мощностей, что не позволяет быстро избавиться от ручного труда даже там, где это целесообразно. И, наконец, последнее: по мере роста материального благосостояния и культурного уровня нашего народа растут потребности в изделиях художественных промыслов, в индивидуальном пошиве одежды, в ремонте квартир и в других услугах, требующих квалифицированного ручного труда. Всем ясно, что обед, приготовленный мастером-поваром в хорошем ресторане, всегда будет вкуснее, чем обед из концентратов в палатке.

Таким образом, мнение о том, что дефицит рабочих кадров будет автоматически ликвидирован, как только все хозяйственники осознают пользу технического прогресса, нам кажется ошибочным.

РАЗУМЕЕТСЯ, это не означает призыва к сдерживанию технического прогресса. Наоборот, он должен быть многократно ускорен, и вопрос о путях ускорения заслуживает большой самостоятельной дискуссии. В рамках же нынешнего обсуждения я хочу подчеркнуть другое: нельзя допускать, чтобы законное стремление к труду интересному, желание избежать тяжелого труда перерастало в опасную тенденцию бегства от любого конкретного, строго регламентированного труда, в стремление просто к легкой жизни. Для того чтобы бороться с потерями, укрепить дисциплину, надо ликвидировать дефицит в наиболее нужных обществу видах труда. Прикрыть многочисленные каналы к труду минимому. Ограничить доступ к тем видам деятельности, без которых пока можно обойтись, не нанося существенного ущерба материальному и духовному развитию нашего народа.

Вспомним, что «ЛГ» писала о нежелании молодых инженеров посвящать себя конструкторской работе, которая издавна считалась творческой, а на 16-й странице сатирик законно высмеивал соревнование по нанизыванию скрепок сотрудниками одного из многочисленных, но слабо загруженных институтов.

Наша печать, телевидение и другие средства пропаганды сейчас много делают, чтобы укрепить престиж звания рабочего и хлеборба. Но одного этого мало. Нужны серьезные, радикальные изменения во всей системе образования и подготовки кадров. Она должна быть подчинена требованиям баланса трудовых ресурсов, составить который перед тем поручила плановым органам.

Я не знаю, что покажет такой баланс, когда он будет составлен, но уверен, что после восьмилетки не менее 60—70 процентов молодежи должны направляться в профтехучилища со средним образованием — это значительно больше числа идущих в ПТУ теперь. Известно, что в ближайшие годы количество молодежи, вступающей в трудовой возраст, снизится. Если мы по-прежнему будем принимать в вузы и техникумы 2,5 миллиона молодых людей, то работать на станках и в поле скоро будет некому. В связи с этим хотелось бы возразить тем, кто и в этом вопросе ссылается на США. Действительно, по данным ЦСУ СССР (1975 г.), количество студентов на 10 000 человек населения в США составляло 258 человек, а в СССР — 190 человек. Но дело в том, что в США нет такого четкого разделения между техникумами и вузами, как у нас. Американская статистика включает в число студентов учащихся самых различных учебных заведений: университетов, старших колледжей и даже младших колледжей при университетах. Около половины этих студентов учатся только от одного до двух лет. Кроме того, более 70 процентов выпускников проходят в той или иной мере сокращенный курс и ограничиваются получением диплома бакалавра или удостоверения «со первой профессии». Исходя из продолжительности обучения и объема полученных знаний американский бакалавр близок к нашему технику и лишь магистр может быть приравнен к инженеру. Поэтому правильнее сравнивать численность студентов в США с общим количеством учащихся в вузах и техникумах СССР.

Тогда в расчете на 10 000 человек населения соответствующие цифры будут совсем иные: число студентов в СССР окажется больше, чем в США.

Поворот в сторону увеличения подготовки квалифицированных рабочих и служащих за счет уменьшения выпуска специалистов с высшим образованием давно назрел, и осуществить его надо во всесоюзном масштабе.

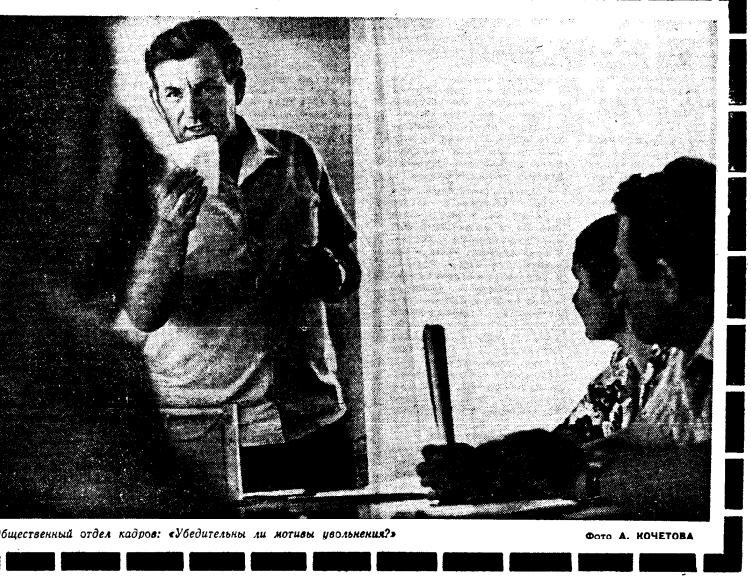
В этом году ленинградские вузы столкнулись с любопытным явлением: среди абитуриентов появились молодые люди, родившиеся и постоянно проживающие в Ленинграде, но окончившие десятилетку в Пскове, Новгороде и Петрозаводске. Объяснение простое: поскольку Ленинград давно испытывает острый недостаток в рабочих кадрах, в городе были приняты энергичные меры к расширению сети профтехучилищ со средним образованием и соответственно сокращен прием в девятые классы. Ребята, не желающие идти в ПТУ, нашли выход: уехали на два года к тетушкам и бабушкам и там закончили десятилетки.

В связи с этим хочу еще раз повторить предложение: чтобы не отпугивать способную молодежь от поступления в среднее ПТУ, надо как можно быстрее приравнять выпускников этих учебных заведений в правах на поступление в вузы, родственные полученной рабочей специальности, к правам выпускников десятилетки. Производство не потерпит большого ущерба, а вузы только выиграют, если молодой человек познает свою будущую специальность с азов, «снизу». Необходимо также узаконить жесткий отсев неуспевающих студентов и расширить практику на первых курсах, что улучшит качество будущих специалистов и поможет смягчить дефицит в рабочих кадрах.

***

Естественно, в рамках газетной статьи невозможно всесторонне рассмотреть сложную проблему нехватки рабочих кадров. Но если сойти на грешную землю с небес, то станут ясными по крайней мере три тезиса: 1) трудовыми ресурсами надо хорошо управлять; 2) острый дефицит многих рабочих специальностей совсем не благо; 3) дефицит кадров не может быть автоматически изжит только за счет технического прогресса.

ЛЕНИНГРАД



Общественный отдел кадров: «Убедительны ли мотивы увольнения?»

Фото А. КОЧЕТОВА

КАК ЧЕТЫРЕ КАПЛИ ВОДЫ

В 1969 году в семье рабочих совхоза-техникума Чепонасов, у которых уже было четверо детей, родилась еще одна четверка — Робертас, Артурас, Роландас и Раса.

О том, как сложилась их дальнейшая судьба, рассказывает наш собственный корреспондент по Литовской ССР.

От ВИЛЬНЮСА до Шилуте — километров триста. Проезжаешь чуть ли не через всю Литву. Дорога — одна из красивейших в республике — идет вдоль живописного берега Немана.

Я ехал в Шилуте, чтобы навестить четверку Чепонасов, которой исполнилось десять лет.

...36 лет назад за Шилуте велись ожесточенные бои. Гитлеровцы дрались с особым ожесточением: там, за Неманом, или, как оккупанты его называли — Мемелем, уже лежал «третий рейх». Кстати, захватив так называемый Клайпедский край, оккупанты и Шилуте уже успели было назвать Гейдекругом и устроить здесь два лагеря смерти. Но сокрушительные удары Советской Армии одну за другой уничтожили цитадели гитлеровцев.

Венки и цветы на могилы погибших воинов часто приносят воспитанники Шилутской школы-интернат. Интернат расположен вблизи от места вечного покоя советских героев, и ребята немало часов проводят, украшая и приводя в порядок надгробья освободителей. Хлопотали тут, неверно, и Чепонасы.

...Когда вся эта четверка появилась в кабинете заместителя директора по интернату З. Крикшенене и ребята, вежливо поздоровавшись, аккуратно расселись вдоль стенки, я растерялся. Как и подобает близнецам, братья были похожи друг на друга, как три капли воды. Чуточку отличалась только четвертая: да и то, пожалуй, только тем, что одета, как девочка. Однако она не казалась ни тише, ни застенчивей братьев. Скорее наоборот. Потом братья признались, что сестричка любит ими покомандовать...

— Раса... Робертас... Артурас... Роландас... — представляются они, и я тут же путаю имена.

— Когда они находились у нас, — вставляет проводившая меня сюда главврач санатория «Эглутяй» Иоана Милукене, — мы их по-разному стригли, чтобы легче было отличить.

Врач И. Милукене опекала четверку с первых часов их жизни. Юозас Чепонас — отец ребят — был болен туберкулезом, и детей следовало оберегать от болезни. Почти шесть лет, проведенные в «Эглутяй», в санаториях Гирулай и Кулаутувы, помогли детям вырасти здоровыми и сильными. И теперь еще встретив врача, все четверо бросаются ей на шею.

Завязывается разговор. Все-таки самый разговорчивый и смелый — Артурас. Он сидит посредине, и его я уже запомнил. Позже мать мне рассекретит, что родился он самым слабым. Теперь же он первым отвечает на вопросы, стараясь голосом перекрыть братьев и сестричку. Кем они хотят быть? Ну, этого они еще твердо не решили. Роландас уже бывал в Каунасе, ему очень понравилось путешествовать, поэтому наверное бы стать туристом. Кроме того, и он, и Робертас любят рисовать... Может быть, художниками? А Раса больше всего нравится вести хозяйство, наводить порядок.

Смотрю на них и любуюсь такие они красивые. А в роте, поживу, дома оперевают одноклассников. Правда, учеба не всем одинаково легко дается, но желания предостаточно. А это главное.

— А по маме, старшим братьям и сестренке не скучаете?

— Скучаем, — в один голос отвечают Раса, Роландас и Робертас, а Артурас уточняет:

— Каждую субботу и воскресенье мы ездим домой, так что видимся. И мама часто навещает.

Приехав в Гайдяй, мы застали маму за работой. Она заготовляет корм животным на зиму. Альбина Чепонене никогда не любила сидеть без дела. Никто ее — дочь малоземельного крестьянина — с малолетства не баловал, никакое дело для нее не секрет, никакая работа — не в тягость. Когда она с Юозасом поженились, страна начинала осваивать целину. И они поехали в Казахстан. Работали там почти три года. Работали бы и дальше, но застарелая болезнь мужа вынудила вернуться. По возвращении супруги устроились на работу в Шилутский совхоз-техникум. Потом пошли детки: двойня Ричардас и Ромас, Кястутис, Вилите, а в 1969-м — сразу вся четверка.

Известие об этом исключительном событии быстро распространилось по республике. Да и не только по республике. Новорожденных приветствовал председатель Комитета советских женщин летчик-космонавт В. Николаева-Терешкова. Шефство над четверкой взяли женсовет республики, некоторые предприятия. Коллектив тельшяйского трикотажной фабрики «Мастис», например, одел малышей с головы до ног. Коллектив совхоза-техникума купил им коляски, кроватки, щедрые подарки прислали республиканское Общество Красного Креста, соседи, даже совсем незнакомые люди. Много внимания и заботы уделяют большой семье партийные и советские руководители района, особенно председатель исполкома районного Совета народных депутатов Роже Нагене. Совхоз-техникум построил семье двухэтажный дом. Просторный каменный дом со всеми удобствами.

Но всего две недели пожил в новом доме глава семьи. Когда Юозас Чепонас умер, малышам шел четвертый год. Восемь детей осталось на руках у овдовевшей Альбины. Возле их дома зеленеет посаженная ею яблоня.

...И тут я подумал о собственной судьбе. И о судьбе двух моих братьев и сестры. Воспоминания вернули меня чуть ли не на полвека назад. В год 1935-й. Это была трудная и жестокая пора для моей родной Судувы. На борьбу с насилием и эксплуатацией поднялось крестьянство этой части Литвы. Загромыхали залпы, беспрерывно работали военно-полевые суды. Кровью крестьян обагрилась земля в Вейверяй, Гражинишки, Ишлазе и других местах Судувы. Подростком я видел, как по ночам пылали усадьбы мулаков и фашистских функционеров, которые поджигали батраки и малоземельные крестьяне, деревенские кузнецы и ремесленники. В середине лета того года мы лишились отца. Он утонул. А мы уже три года жили без матери — она умерла от менингита, не на что было пригласить врача. Четверо детей остались «круглыми сиротами», как тогда говорилось. Семидесятилетняя бабушка не в счет. Мне, старшему, шел тогда одиннадцатый год, младшему братишке — пятый. Другому брату и сестре — соответственно девятый и седьмой. А наше скудное хозяйство еще при отце, кажется, тримды продавалось с молотка, и хотя не нашлось охотников на плохую, усеянную пнями да болотами землю, мы — как бы симанли угол в своем доме. А вокруг свирепствовал суровый, беспощадный мир, глухой и чужой боли и несчастью, ничего не дающий даром — ни хлеба, ни ласки. У всех у нас была одна дорога — на кулацкие пастбища. Сестра сначала работала нянькой, а позже — маленькой прислугой. Самая тяжкая доля выпала младшему брату — он попал в детский приют. Детские приюты, как и многодетные семьи, поставляли кулакам и помещикам дешевую рабочую силу — пастухов, нянек, батраков. Так что у всех у нас в анкетах имеется такой горький стаж. У одних более, у других менее продолжительный — в зависимости от возраста и от срока, который оставался до крушения буржуазного строя...

А вот лишившаяся кормильца многодетная семья Чепонасов. Ее окружает совсем другой мир, живущий по совершенно иным принципам.

Альбина Чепонене, показав гостям весь свой уютный, чистенький, обустроенный дом, не жалуется на свои беды да невзгоды, а рассказывает о тех добрых людях, которые помогли и помогают ей и ее детям. Ни на один день не оставили они ее в одиночестве. Как две любящие матери, бередуют они с врачом И. Милукене о малышах, которых, радуются каждому сантиметру, который прибавляют в росте дети, каждому успеху в учебе.

Сегодня в доме хозяйничает Ричардас. Окончив Шилутское профтехучилище, он работает штукатуром, но сегодня у него выходной, и он обязуется — приготовить обед, затопить агрегат центрального отопления, покормить коров, свиней, дать корм курам... Да мало ли дел пусть в небольшом, но мужском хозяйстве! Семья получает постоянное пособие, четверка младших находится на полном содержании у государства, но разве в сельской семье обойдешься без собственного молока, мяса или яиц? Когда несколько лет назад у Чепонасов пала корова, совхоз-техникум немедля дал им новую. Есть у семьи и телевизор, и книжный шкаф здесь не пустует. А за весь дом, в котором пять комнат, Чепонене платит всего 7 рублей с полтиной.

Говоря о детях, Чепонене ни на минуту не забывает и о делах совхоза:

— Все хорошо у нас. Вот только с младшими редко вижусь. Приехали они на праздник Октября, а на меня массы совхозных дел обрушилась. Некогда было даже с ними толком повозиться. Вилите — шестиклассница. Ромас — будущий агроном, учится в техникуме. Все любят труд, все толковые, проворные. И в обиходе не кичают. Вилита, например, хочет стать парикмахером. А вот, посмотрите, как красиво ею штукатурены стены. Это работа Ричардаса. Не его одного, разумеется. Все помогали, но он был как бы прорабом. Летом дети — мои первые и самые усердные помощники: они трудятся и на совхозных полях, и на нашем участке. И я сейчас побегу... Надо картофель силосовать.

Мы подвозим Альбину Чепонене к фермам и опять возвращаемся в Шилуте. Директор интерната Пранас Буткус преподносит нам новый сюрприз. В кабинет бегают три стройные милые девочки в школьной форме, с комсомольскими значками. И опять все три — как три капли воды. Я даже вздрагиваю, пораженный.

— Иоланта... Лейма... Вилюне... — представляются они в один голос.

— Сестры Поцютес, — добавляет директор, — наша не менее прославленная тройка.

Они восьмиклассницы, родом из колхоза «Шидонай» соседнего Шяуляйского района, где их мама Юзе Поцене работает свинаркой, где живут и две их замужние сестры. В этом же интернате учится еще их братишка. Также я узнаю, что пионерский танцевальный коллектив, который посещают три сестренки, завоевал не один кубок и занял не одно призовое место на различных праздниках и смотрах.

285 воспитанников в интернате. Государство выделяет на каждого примерно 700 рублей в год, так что у ребят только одна забота — хорошо учиться. Правда, некоторые родители платят за детей, но эти взносы покрывают лишь 10—12 процентов расходов. Директор показывает мне также массу кубков, почетных грамот, дипломов, вымпелов, всевозможных подарков и призов. И за эстетическое воспитание, и за успехи в спорте, и за художественную самодеятельность. Шилутская школа-интернат — одна из 34 таких учебных заведений, которых не знала буржуазная Литва.

...Я опять вспомнил детский приют, в который в 1936 году попал мой старший брат. Маленький домишко с подслеповатыми окнами на окраине Виливашкиса. Бледные, розовые реснитишки, которые невозможно было разогнать, гнетущая атмосфера, насыщенная религиозным дурманом, которая окружала сирот... Разве сравнишь с этим большим светлым домом, с просторными классами и мастерскими, спальнями на сотню человек, где растут здоровые, бойкие и крепкие мальчики и девочки!

Вернувшись в Вильнюс, я узнал, что в республике имеется 15,7 тысячи многодетных (4 детей и больше) семей, которым в одном только 1978 году было выплачено 2 миллиона 76 тысяч рублей пособий, около 3 000 женщин Советской Литвы — матери-героини.

Этот рассказ мне хочется и завершить историей нашей семьи. Историей с трагическим началом и счастливым концом. Летом 1940 года в Литве была восстановлена Советская власть. Она утерла слезы сиротам, взяла их судьбу в свои руки, открыла перед ними широкие пути к новой жизни. Но один из нас не пропал в этом водоворотке бурных переломов, все вышли в люди, все стали достойными гражданами Страны Советов. Старший брат — рабочий совхоза, младший — лесоруб. Сестра же — доярка в колхозе. Сейчас из 17 наших детей (никто здесь не принадлежит младшему брату — отцу трех сыновей и пяти дочек) трое уже имеют высшее образование, шестеро, окончив среднюю школу, поступили в вузы и техникумы, а остальные, за исключением двух дошколят, учатся в средней школе. Все здоровы, у всех — надежная крыша над головой, а впереди — ясное, и гарантированное будущее. Жаль, что наши бедные родители уже не могут порадоваться за нас. Порадоваться тому, что Советская власть вывела нас из жалких изгоев и с кулацких пастбищ, из лишних детских приютов и голодного отрочества.

Родина заботится о детях, мир для детей, они будут им все лучшее. Главное, чтобы они научились не только брать, но и давать. Об этом мне говорила и Альбина Чепонене — мать, спокойная за будущее своих детей.

Пятрас КЕЙДОШЮС,
соб. корр. «Литературной газеты»
ВИЛЬНЮС

ПОЧЕМУ ШКОЛЬНИКИ НЕ УМЕЮТ РИСОВАТЬ?

Из чисто спортивного интереса задаю вопрос: сколько еще миллионов ребят, не умеющих рисовать, надо выпустить из школы, чтобы убедиться: урок рисования постоянен неверно? Кажется, уже достаточно нас, робеющих перед листом ватмана, кистями и красками, выпущено, уже наши дети и внуки школу заканчивают, но и у них туделя нарисовать, но нет, все мало...

Собрать бы листки со столов тысяч хозяйственных и научных совещаний, на которых делаем карандаши со скуки выводили узоры, геометрические фигуры, а также лица в профиль с усами и без, и послать бы все это товарищам, ответственным за урок рисования в школе. Вот, дескать, результаты вашего с коллегами труда, примите на долгую память. Нет, правда, скажите, откройте секрет, что еще нужно сделать, чтобы наконец начать научный поиск решения задачи под названием изобразительное искусство в школе.

Жизнь в школьном уроке дорожает с каждым годом. Разные категории взрослых уповают на школу, желая получить от нее кадровое пополнение в свою область, хозяйственную или научную, а также развить детей в том или ином направлении. Требуют уроков этики, правоведения, домоводства и основ семейной жизни, правил уличного движения, психологии, экологии, ежедневного урока физкультуры, а также ручного и прочих видов труда. Одновременно на родительское население жалуется на перегрузку и требует детишек в школе. Под напором этих противоречивых требований Минпрос время от времени делает небольшие сдвижки в уроках: от одного предмета отняли, другому прибавили — что немедленно вызывает бурю протеста со стороны учителей пострадавшего предмета, а также сочувствующей общественности. Например, недавно трибуна всесоюзной конференции учителей-словесников была буквально залита слезами в адрес Ивана Ивановича Обломова, которому не нашлось места в новой программе. И это были светлые слезы, ведь учителя привыкли к Илье Ильичу, сжились с ним, а теперь вот как бы осиротели.

Дорога минута школьного урока. Почему же в условиях этой дороговизны допускается такая растрата? Более двухсот часов (не минут!) с первого по шестой класс детям скучают на уроках рисования. Им задают «темы рисунков», и они их умело выполняют. Их просят иллюстрировать сказки, им ставят натюрморт и просят обратить внимание на тени. И — ничего. В результате ничего. Нулевое умение. Почти нулевой интерес к изобразительному искусству.

Кстати, об интересе. Ну, ладно, научить искусству, допустим, нельзя. Но почему они прибодштых к нему не успевают, полюбить, увлечься не могут? Кажется, такой занятный, истинно детский предмет, и вот уже сколько десятилетий является (по общему убеждению) предметом второстепенным, неважным, необязательным. Почему?

Этот вопрос я задавала разным художникам-профессионалам, школьным учителям рисования, ученым-педагогам и работникам органов просвещения. Наиболее полный и подробный ответ дал Борис Михайлович Неменский, председатель комиссии эстетического воспитания Союза художников СССР. Его мнение я привожу здесь по многократной записи.

Б. М. Неменский — не только теоретик, но и практик, и пропагандист, и энтузиаст эстетического воспитания школьников. От правок внимание общественности к школьному уроку, сам встал на место учителя несколько лет назад, объединив вокруг себя группу творческих работающих педагогов, художников и практически занялся составлением проекта новой программы для средней школы. В ряде школ идет эксперимент по этой программе.

Н. ЛОГИНОВА,
специальный корреспондент «ЛГ»

— Так сложилась практика, что на урок рисования в школе давно уже смотрят, как на кружок «Умелые руки».

Чего хочет ныне действующая программа? Научить детей рисовать. Легко сказать! Методика и практика этого вида обучения отработаны веками. В специальных художественных школах дети часами сидят за мольбертом, мы долго и тщательно ставим натюрморт, терпеливо правим их работу. И если бы мне, профессиональному педагогу, дали обычный школьный класс — сорок человек — и попросили учить их тому же самому **один раз в неделю по сорок пять минут**, я бы счел эту просьбу несерьезной. Положить яблоко, поставить стакан и скомандовать: «Начали!», а через полчаса собрать листы — это, извините, фикция, пародия на настоящий урок рисунка или живописи.

Но ведь школьные учителя именно так и вынуждены поступать, поскольку обязаны выполнить программу. Обратите внимание, что предмет «изобразительное искусство» идет только с первого по шестой класс, после чего о нем прочно забывают.

Почему так случилось и предмет оказался в упадке? Думаю, что виновата тут пресловутая инерция. Полвека назад, при отсутствии учителей-художников для массовой школы, урок рисования сложился как бледная копия настоящего обучения рисунку и живописи. Учитель-непрофессионал понаслышке ставил натюрморт и, как мог, объяснял ребятам, что надо делать. Или задавал иллюстрацию к сказке и на свой вкус оценивал, хорошо или плохо она выполнена. А поскольку многие дети до десяти—двенадцати лет рисуют «забавно», то получалась как бы видимость успеха. Что-то, которые способны вдохнуть маленького художника. Семилетний ребенок отчетливо видит изящество паутинки, натянутой в кустарнике, видит росчерк птичьей стаи на фоне неба, цвет рябиновых гроздьев. Он способен изобразить все это спокойно и выразительно, но если плохо она выполнена. А поскольку многие дети до десяти—двенадцати лет рисуют «забавно», то получалась как бы видимость успеха. Что-то, что способно сравнить своеобразие украшения, изображения и постройки в творчестве разных народов. Русское искусство, японский орнамент, африканские маски, одежда и постройка с национальным колоритом — все это вполне доступно пониманию и очень интересно детям уже в начальной школе.

Мы составили подробную, на каждый урок, программу для младших ребят и занялись экспериментом в четвертом — седьмом классах. Провели семинары со многими учителями, которые захотели испытать новую программу в своей школе. Особенное впечатление на них производят выставки детских работ, в частности наши коллективные панно, которые в конце учебного года класс создает своими руками. Это большие живописные полотна — каждому ученику найдется место на них, чтобы показать, на что он способен. Видите, как получается: ребенка только знакомят с принципами творчества, показывают пластическое и цветовое богатство живописи, художественно воспитывают, развивают, и... он сам активно учится рисовать. Вот теперь он сам тянется к работе! Ни заставлять, ни принуждать не приходится.

Искусство необъятно, и невозможно расчленить его на частям и «вложить» в ум или душу ребенка. Можно лишь приоткрыть сму дверь в мир искусства. В области духовной это и есть тот минимум, который требуется от школы: увлечь искусством, вызвать желание общаться с ним, научить, где и как искать для себя духовную пищу.

Меня многие спрашивают, доступна ли наша программа «обычным учителям». Я отвечаю, что именно такие учителя пришли у нас семинары и шлют хорошие отзывы — интересно стало в классе. Один-два летних семинара требуется на переподготовку, без этого нельзя. А вот чего мы не можем дать всем желающим — это слайдов, а они остро необходимы. Как они нужны в школе, особенно отдаленной от центров, от города!

К сожалению, здесь не поставишь все острейшие практические вопросы. Но больше всего меня беспокоит существование мнения, что в эстетическом воспитании есть сдвиги, что-то происходит, и скоро общество сможет собирать «урожай» в виде эстетически образованных молодых рабочих и служащих. На самом деле даже десятки учителей, работающих творчески,— это капля в море народного просвещения.

Самый типичный довод противников всяких резких перемен в школе таков: погодите, дайте сперва разобраться с основными предметами, потом дойдут руки и до искусства. Но я готов доказывать с любой трибуны, что никогда не наступит такой «подходящий», что бы можно было вздохнуть с облегчением: ну вот, основное сделано, теперь займемся искусством. Само разделение на «сейчас» и «потом» некультурно, неконструктивно, потому что свидетельствует о непонимании высокой, незаменимой роли искусства в жизни. Мир человеческих отношений — вот область, в которой «работает» искусство. И если его мощные резервы не использовать, обществу неминуемо приходится иметь дело с духовным дефицитом.

Б. НЕМЕНСКИЙ,
секретарь Союза художников СССР, заслуженный художник РСФСР, лауреат Государственной премии СССР

ОКНО В МИР

УРОКИ СТАРЫХ МАСТЕРОВ

Фото А. КАРЗАНОВА

МНЕНИЯ УЧИТЕЛЕЙ

Когда в нашей школе началась работа по экспериментальной программе Б. Неменского, у всех буквально открылись глаза на урок рисования: оказывается, это не узор в квадрате, а окно в мир. По-старому работать уже нельзя. Раньше ставили перед детьми бидон — рисуйте. В лучшем случае получали сорок бидонов, в человеках, личности ребенка не видели. Не развивали ее.

Экспериментальная программа дает самое главное — заставляет ребенка осмыслить жизнь вокруг себя, найти свое место, воспитывает активную жизненную позицию, о которой сейчас много говорится в партийных документах. Программа динамична, исключает формализм в работе. От простого — к сложному, до бесконечного движения вперед.

Н. ГРАМОЛИНА
село СТРАХОВО Тульской обл.

• • •

Ныне действующая программа уроков рисования чрезвычайно засушена, не оставляет места для эмоций, не развивает в ребенке интереса к искусству.

М. ХОРОХОРИН
ФЕРГАНА, школа № 2

• • •

Раньше учитель мог по-лоскину задания пропустить, лишь бы в журнале не было пяти,— ничего не наменилось бы. Как угодно переставляй задания, сопоставляй и урезай — никакой разницы, потому что связи между ними нет. Начали работать по варианту Б. Неменского — увидели строгость и логику художественного воспитания. Каждый урок — продолжение и развитие предыдущего.

Г. РОГОВА
ЛЕНИНГРАД, школа № 181

• • •

Я показываю коллегам детские работы. Например, вот тема «Осень», выполненная ребятами по экспериментальной программе, и вот рисунки ребят из ту же тему в параллельном классе. Обычная реакция: мне не верят, что первая серия рисунков сделана первоклассниками.

Е. ВОЛКОВА
ЛЕНИНГРАД, школа № 5

• • •

Я работаю в школе уже много лет, по старой программе не могла заниматься — чувствую, что буквально задыхаюсь. Невозможно ставить детям эти «натюрморты» (кирпичи, кнуты, молоко (как требует программа).

К. ДИТМАР
ВИЛЬНЮС, школа № 6

• • •

Я работаю в школе давно. И меня всегда тревожило, почему дети скучают на уроках рисования. Молодой учитель по той же причине терпится и часто покидает школу. В результате за 10 лет в шестидесяти школах г. Магнитогорска сменилось 200 преподавателей рисования. Такая текучесть заставляет задуматься о том, что сама программа не отвечает требованиям — детям и учителям. И тем, и другим скучно! А ведь это урок искусства...

Г. БОЛОСАТОВ
МАГНИТОГОРСК, школа-интернат № 4

• • •

Учительница Б. Пионтик работает у нас по экспериментальной программе. Дети — нее наблюдательные, спокойные, с хорошо развитым воображением. Успеваемость в этом классе выше, чем в других, хотя все первоклассники были одинаковы, никого их не подбирал. А главное, ребята буквально живут этими уроками изобразительного искусства, ждут их с нетерпением и тщательно к ним готовятся. Многие учителя, побывав в этом классе, просят тоже дать им экспериментальную программу.

В. ЛЕМЕШКО,
инспектор гороно
ТАШКЕНТ

Александр ПРОХАНОВ

ЕДИНЫЕ В РЕВОЛЮЦИИ

Большие крейсера, которые проходили мимо нас, приветствовали нас гудками по поводу событий в Афганистане. Мы, в ответ, отсалютовали, в знак солидарности с Кубой, которой фактически, конечно, угрожает сейчас не только агрессия афганского типа, но и, возможно, вторжение в Никарагуа.

О том, что нам предстоит выполнять интернациональный долг перед братьями по классовой борьбе, говорит Фидель Кастро.

*Мы, в ответ, в знак солидарности с Кубой, в ответ на угрозу агрессии, в ответ на то, что Куба, которая, конечно, может и должна рассчитывать на помощь Советского Союза

ОРУЖИЕМ САТИРЫ

Победа наша — подвиг исполнили.
Она сквозь пекло фронтовых измен
Прошла от стен Москвы до стен Берлина
И над рейхстагом вознесла свой флаг.

Художник А. АРСЕНЬЕВ
Стихи С. СМИРНОВА

Из трубы они в пространство взлетели
И над Белым домом закружились
У верных холопов на горбу...
Ходит слух, что в воздухе повисли
И в прямом, не в переносном смысле
Вскоре могут «овлететь в трубу».

Художник Б. ЕФИМОВ
Стихи А. ЖАРОВА

ДЕЛОВОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Виктор ГАСТЕЛЛО, полковник-инженер

Ученый секретарь посмотрел на присутствующих восплаенными глазами:

— Дорогие коллеги, здесь собрались, так сказать, сливки ученого совета, и я буду откровенен...

Все, почувствовав себя сливками, польщенно молчали...

— Итак, коллеги, сам Игорь Петрович решил у нас защищаться.

Наступила тишина, и было слышно, как этажом ниже лениво переругивались вахтеры.

— Игорь Петрович так добр к нашему институту, — продолжал ученый секретарь, — вы обращали внимание на его лицо, когда он сидит у нас в президиуме...

— Если не спит, то лицо как лицо...

— Профессор Ломов, Александр Захарович, дорогой вы наш, сейчас не до шуток... Все должно быть гладко, никаких случайностей.

— Зачем ему кандидатская? — спросил профессор Марков, по слухам, ученый со всесоюзным именем.

— А кто сказал, что кандидатская? — ученый секретарь изобразил на лице крайнее удивление. — Берите выше, докторская...

Среди присутствующих возник нестройный шум, но ученый секретарь, как опытный дирижер, резко повел мелодию:

— Коллеги, вы недооцениваете важности момента... Поднимается престиж отрасли, вырастут возможности самого Игоря Петровича...

— А где ученые труды, где специальные знания, наконец? — загорячился было Марков.

— Дорогой Владимир Сильич, у Игоря Петровича знания в крови... это все знают.

— А надо бы в голове, — уточнил Ломов...

— Кровь в голове тоже бывает, и хватит об этом, поговорим по существу... У Игоря Петровича две брошюры в проблемной постановке, в них перспектива...

— Для домашних хозяек, — снова влез Марков, — они же популярные.

— Конечно, Игорь Петрович в интегралах не силен, но проблему в целом видит.

— Напрасные хлопоты в казенном доме, — сказал Ломов. — Сливки, конечно, будут «за», но есть еще плавленые сырки, они и прокатят... «проблему в целом».

— Вот мы и подошли к главному, — заулыбался ученый секретарь. — расчет, коллеги, и еще раз расчет... Так кто может нам испортить обедню?..

— Хотьков, Иван Хотьков! — закричали все дружно...

— Правильно, коллеги, увы, Иван Хотьков — человек умный, но прямой, как эталонный метр, говорит, что думает... есть еще корифей Пряхин — мудрый старец и молодой романтик Мочкин.

— Мочкин в больнице, сломал в горах ногу...

— Пряхина я беру на себя, — решительно заявил Ломов. — На плохих защитах он скучает, усажу его с собой...

— Пряхин может развалить защиту и сидя около вас!..

— А я ему подброшу интересный вопросик... или дам просмотреть вашу последнюю статью, старик начнет кипятиться... ему будет не до защиты.

Ученый секретарь сморщился, как будто проглотил крупную муху, но во имя дела взял себя в руки:

— Александр Захарович, это не самая ваша остроумная шутка, но будем считать, что Пряхин нейтрализован... Остается Иван Хотьков.

Снова наступила томительная пауза. Предложений не было...

— Так кто возьмет Ивана Хотькова на себя?..

— Тут другой случай, — сказал Марков. — Чем хуже защита, тем интереснее Ивану Хотькову. А уж выражения он подбирает не из дипломатического протокола, будьте уверены... — Марков покачал головой, засмеялся от удовольствия и зажмурился.

Ученый секретарь тоже зажмурился, но не от удовольствия.

— Владимир Сильич, вам бы все веселиться... Да, коллеги, тут ничего не придумаешь, спасти может только физическое отсутствие Ивана Хотькова на защите. Поэтому придется прибегнуть к крайней, и, я бы сказал, чрезвычайной мере. — ученый секретарь тяжело вздохнул, — срочно дать Ивану Хотькову путевку на Золотые пески.

В наступившей тишине неожиданно громко и жалобно прозвучал голос Ломова:

— И я хочу на Золотые пески...

— Не все сразу... Конечно, коллеги, вы более достойны, но пускай это будет жертва ради науки. Вы — наша гордость, вы — наш актив, на вас можно опереться в работе...

Ученый секретарь еще долго говорил про заслуги и выслуги каждого в отдельности и коллектива в целом. Каждому были открыты глаза на его место в отечественной, а может, и в мировой науке. Все остальное казалось мелким и низменным...

И все же, выходя из конференц-зала, профессор Ломов, ни к кому не обращаясь, печально сказал:

— Вы чувствуете, как важно в науке быть принципиальным...

ПРОБИВНОЙ ЧЕЛОВЕК

С. КОМИССАРЕНКО, старший лейтенант

Однажды технолог Олькин поднялся с места бледный-бледный.

— Товарищи, — говорит, — я изобрел вечный двигатель...

— Этого нам еще не доставало! — завелся Семен Семенович, зав. БРИЗом. И про науку стал убежденно говорить, что вот, мол, невозможно осуществить вечное движение в природе, тысячи людей пытались создать эти пресловутые двигатели — и ничего у них не вышло!

— Так то у них, — говорит Олькин, — а у меня выйдет! Я человек пробивной...

— Нет-нет, — возражает Семен Семенович, — это не гот случай, где можно что-то пробить...

Но Олькин стоит на своем:

— Еще как будет крутиться!

Целую вечность дискутировали, в конце концов Семен Семенович не выдержал.

— Ладно, — говорит, — отложим про научную сторону! А кто будет заниматься этим двигателем на нашем заводе, где мы выпускаем совсем другую продукцию?

— Так бы сразу и сказал, — спрашивает у мастера.

— Извините, — вежливо отвечает тот. — Незаконченный еще.

— А когда будет законченный?

— Убедительно прошу зайти в понедельник.

Приходит Олькин в понедельник, а мастер:

— Добро пожаловать во вторник... В следующий!

Во вторник мастер заявил, что лучше всего в среду, через неделю, а в среду — на первый же четверг отложил!

— Нет, каков бюрократ! — вспыхнул Олькин.

— Нет, каков фрукт! — в свою очередь стал возмущаться мастер, даже голос из-за этого изобретателя сорвал.

— В каком смысле? — стал уточнять Олькин тоже шепотом, поскольку и он голос потерял.

— Ну, мастер возьми и скажи:

— Неосуществимый это двигатель...

Что тут поднялось!

— Может, вы мне про науку сейчас будете распространяться, так я это уже слышал! — стал кричать Олькин, у которого от обиды снова прорезался голос. — Вы конкретно скажите, почему неосуществимый?

— Кто будет заниматься этим сверхплановым двигателем. — в свою очередь прорезался голос у мастера, — если с плановой продукцией едва справляемся?

— Так бы сразу и сказали, некому заниматься...

И Олькин стал пробивать, чтоб было кому. И пробил: включили его двигатель!

Однажды приходит Олькин в цех ширпотреба, смотрит: крутится двигатель!

Прибежал Семен Семенович из БРИЗа, схватился за голову:

— Как вы смогли?!

— Так ведь в плане у нас значился, — стал оправдываться мастер.

— А знаете, что такое не выполнить план?

— Да пойдите же, — горячится Семен Семенович, — не может двигатель вечно крутиться! Это противоречит законам природы!

Еле успокоили человека:

— А нам и не требуется вечно, нам только месяц надо... Гарантийный срок!

ФРАЗЫ

● *На производстве он любит такие дела, которые отрывают его от работы.*

● *Не отказывай человеку в полезных советах, если они могут принести тебе огромную пользу.*

● *В чужой карман не лезит за словом.*

● *Если автор пишет лучше тебя — пригласи его в соавторы.*

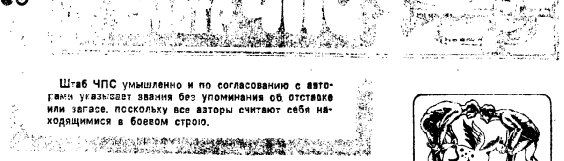
● *Эпитафия: «Утонул в потоке информации».*

● *Все может быть чужим: нос, рот, глаза, уши, подбородок. Важно, чтобы лицо было своим!*

Михаил ГЕНИН, бывший воспитанник военно-музыкальной школы

В. ПЕСКОВ

Сегодня, в предверии великого праздника — 35-летия Победы, штаб ЧПС призвал авторов, когда-то воевавших, или служащих по сей день, или состоящих в запасе Советской Армии, что-нибудь написать или нарисовать для 16-й полосы. Мобилизованные авторы выведены на



Штаб ЧПС умышленно и по согласованию с авторами указывает звания без упоминания об отставке или запасе, поскольку все авторы считают себя находящимися в боевом строю.

ПЕГАСЫ И ГРИМАСЫ

ИЗ ЦИКЛА «СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ»

Алексей ПЬЯНОВ, капитан

Вы были на
футбольных матчах?
Там академики
кричат,
Бухгалтеры свистят,
стучат,
И скомкал сигарету
маршал.
(Виталий КОРОТИЧ
1979 г.)

Перевод
С. ПАРХОМОВСКОГО

Вы не были
в районной бане
в периферийном
городке?..
Там рассуждают
о футболе,
Там, с поднятою
головой,
Несет портной свои
мозоли,
Свои ожоги — гордовой.
(Борис СЛУЦКИЙ
1947 г.)

Бывают странные
сближенья.
(Александр ПУШКИН
1830 г.)

Чужая баня

Вы «Баню» Слуцкого
читали!
«Еще бы!!» —
слышится в ответ.
Там чисто слуцкие
детали
Нашел известный
наш поэт.

Я другой!

До славы шумной
я не падок —
Смешна завистливая
злость.
И дым отечества
мне сладок
И для народа
я не гость
(Гаральд РЕГИСТАН)

И дым отечества
нам сладок
*и приятен!**
(Александр ГРИБОЕДОВ)

Вам ритмы модные
не падок:
Я не эстет и не гурман,
Но мед чужой
душист и сладок...

ХРАНИ МЕНЯ,
МОЙ ТАЛИСМАН!

С классическим
наследьем смычка
Сейчас оправдана
вполне.

ПРОЩАЙ, ЛЮБЕЗНАЯ
КАЛМЫЧКА!
НЕ ПОЯ, КРАСАВИЦА,
ПРИ МНЕ...

ВЫСОКОПА́РНЫЕ
МЕЧТАНЬЯ

«Ах, как не просто
муз служенье», —
Бом скажет каждый,
кто творил...
«Бывают странные
сближенья», —
Когда-то Пушкин
говорил.

И в том не может
быть сомненья:
Увы, случается
встречать
На современных
сочиненьях
Сближенья четную
печать.

Но подождем винить
поэта,
Что он а сближенье
перегнул:
Возможно, переводчик
это
В чужую баню
заглянул.

Поэтов собирают
в круг.

В КРОВИ ГОРИТ
ОГОНЬ ЖЕЛАНЬЯ.
ПРИДИ, ПРИДИ,
Я ТВОЙ СУПРУГ!

Зачем же
злобствовать,
коллеги!!
Не гости мы
среди людей.
Трясемся все
в одной телеге,
А ВРЕМЯ ГОНИТ
ЛОШАДЕЙ.

И КОЛОКОЛЬЧИК,
ДАР БАЛДАЯ,
ГРЕМИТ УНЫЛО
ПОД ДУГОЙ,
И, вероятно,
каждый знает:
НЕТ, Я НЕ БАЙРОН,
Я ДРУГОЙ.

* Эта знаменитая строчка в бессмертной комедии А. Грибоедова выделена, что в старые добрые времена означало, не мое, цитата. В данном случае великий комедиограф обратился к Гомеру отделив его слова от своих. Мы в этой пародии следуем примеру великих.

Павел ХМАРА, подполковник-инженер

СТИХОБОРЬЕ

Ошибки

Кто без ошибок жить на свете может!
Довольно часто бьют они под дых!
Но страшен человек, который множит
своей ошибкой бедствия других!
Сам сподличал — сам и живи без чести!
Лез под трамвай — ходи с одной ногой!
Попался на крючок не к той невесте —
сам виноват. Живи всю жизнь с каргой.
Но вот хирург дрожащими руками
спасает вас, и вскрыт не тот сосуд...
И вас уже, увы, вперед ногами
в последний путь ошибочно несут.
Вот перифразик в тыле науки шаркт
с огнем в глазах и бредом на устах...
Ошибка — и Земля совсем не шарик
и мвдленно плывет на трех китах!
Вот штурман рассчитал единым духом
курс корабля. Ошибся в запятой.
И ваш корабль уже с дырявым брюхом
идет на дно. К земле. Увы, не к тоне...
Пусть повар не доложит в борщ сметаны!
Пусть музыкант нарушит строй октав!
Но мудрецы, врачи и капитаны
ошибок делать не имеют прав.
Вот я и говорю всем людям: — Братцы!
(И сестры, ну куда же мы без них!)
Давайте сколько надо ошибаться!
Но персонально, а не за других.

Николай ДОРИЗО, подполковник

Самодовольство

Самодовольство,
Что м,
скажет любой,
Это мещанство,
зазнайство.
А знаешь.

Славлю
самодовольство —
довольство собой,
Если доволен собою
так редко
бываешь.

Дело отнюдь
не в пустой
похвальбе,

Мы
похвальбе
предаваться
не будем.

Как трудно
понравиться,
Хоть на минуту,
себе,
Значительно легче
понравиться
людям.

Моя зависть

Я всем генералам
Завидовал раньше,
Но время настало
Завидовать нам —
Не старшим,
в младшим
Армейским чинам,
Годами
которые
младше.

К проблеме перевода

Мой новый стих
Как бы всегда
сверхсрочник.
Его
годами
я в себе ношу
И вдруг
однажды
сердце,
как подстрочник,
На свой родной язык
перевожу.

О мудрости

Мудр во всем он.
так бывает.
Лишь в одном
дурак, ей-ей, —
В том, что умного
считает
В сотни раз
себя глупей.

В. СОЛДАТОВ

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИК

Анатолий РАС, сержант сверхсрочной службы, второй тенор, первый ряд, крайний левый, если смотреть из зала или по телевизору

Когда администрация «Клуба ДС» обязала меня вспомнить что-нибудь смешное из жизни дважды Краснознаменного ансамбля, я сразу надолго задумался.

Коллектив наш весьма значителен — 200 человек с небольшим гаком. Мы много ездим по белу свету. Калуга, Женева, Париж, Барнаул, Ванкувер, Арнавир, Нью-Брайтон, Старый Оскол — вот далеко не полный перечень городов, в которых ансамбль побывал с гастролями за 52 года существования. А вот смешные случаи, несмотря ни на что, бывают далеко не каждый день.

Конечно, я прекрасно понимаю, что «Клуб ДС» интересуют не просто смешные истории, а такие, которые бы заставили читателя размышлять над ними долгие рабочие часы, помогли бы взглянуть на мир другими глазами, понять, в чем смысл жизни, сделать правильные или хотя бы нужные выводы.

Не могу же я, в самом деле, рассказывать о том, как во время исполнения хором гончайшего нюанса пьяно v ударника падает на пол тарелка (там-таре-рам-там-там!) Может. Это и смешно, но у нас после такого производственные собрания бывают. И смех этот не здоровый, а, скорее, на нервной почве.

Или солист забыл слова и поет, что называется, свой домашний адрес. Смешно это или нет? Во всяком случае, нетипично.

Думал я, думал и вспомнил случай, на мой взгляд, и смешной, и поучительный, с далеко идущими выводами.

Дело было, давно, минувшим летом (это уж точно), а вот в каком городе — запамятовал: не то в Новороссийске, не то в Новосибирске.

Концерт давался на стадионе. Как говорят спортивные комментаторы, трибуны были заполнены до отказа.

Шло второе отделение концерта. Хор исполнял «Донцы-молодцы!». Дирижировал наш самый молодой хормейстер Фамилию его не называю, чтобы не показаться подхалимом или кем-нибудь еще, кроме артиста хора.

Не успели мы спеть первый куплет как на поле выскочил карапуз лет пяти с букетом цветов и понесся к центру поля, где находилась сцена, быстрей некоторых футболистов класса «А». С ходу вскарабкался на рампу, подбежал к дирижеру и стал довольно решительно дергать его за штиль. Трибуны издали звук, как будто мяч прошел рядом со штангой.

Саша (имя дирижера немного вымышленное) с большим трудом отцепил руку юного поклонника и продолжал дирижировать. Мы с не меньшим трудом продолжали петь. Оркестранты опустили головы, чтобы не упасть со стульев. Всех хористов в буквальном смысле душил смех.

Карапуз изловчился и повис на левой руке дирижера. Это был гол! Саше (имя слегка сокращено) ничего не оставалось, как взять букет и продолжать дирижировать им вместо палочки.

Успех был огромный, хотя, я думаю, на этот раз публика аплодировала не за качество исполнения. Вот и все.

Ах, да! Какие же отсюда далеко идущие выводы?

1) Товарищи родители! Не позволяйте детям выбегать на проезжую часть улицы и на сцену во время исполнения! 2) Граждане! Соблюдайте правила уличного движения и хорошего тона! 3) Надо работать хорошо даже тогда, когда тебе весело!

ПРЕСС-БЮЛЛЕТЕНЬ ШТАБА ЧПС

Штаб ЧПС напоминает читателям-судьям о том, что их десятибалльной оценке подлежат ВСЕ материалы всех туров, в том числе и этого строгого смотра читателей-судей, некоторые, чьи оценки вошли в зачет должны отослать свои открытки с день прочтения полосы или хотя бы на следующий. Во избежание.

Сообщаем места, на которые общественное мнение читателей-судей расставило участников 3-го тура. Оценки, естественно, даны в баллах.

В. Чудодеев — 8,1 (заработано право внеочередной публикации).

А. Моряя — 7,32

Я. Язов — 6,68

Н. Данинский и Е. Смолин — 5,47

В. Никуленок — 4,6

Жамбадин — 3,5

Н. Флеров — 3,2

И. Лашков — 3

Вышеупомянутое общественное мнение потребовало от штаба сообщить не только победителей и побежденных туров, но и хотя бы трех-четырех лучших. С запозданием готовностью называем ударников первых двух туров.

Тур первый: С. Киселев — 7
Н. Имит — 5,9
В. Бахчов — 5,4
Евг. Сазонов — 4,8

Тур второй: Г. Гречко, А. Инин — 8,3 (с правом внеочередной публикации).
А. Иванов — 7,8
Евг. Сазонов — 6,3
Л. Измайлов — 5,3

Штаб ЧПС убедительно просит авторов, набравших меньшее количество баллов, считать свои произведения хорошими! Просто есть еще лучше.

Итак, пятый тур на марше! Шире шаг!

Штаб ЧПС

Л. ЛИХОДЕЕВ, сержант

СТАНСЫ

Юмор — не специальность. В памяти нашей остается не тот, кто смешил людей, а тот, кого смешили люди.

* * *

Самоуверенный судит о чувстве юмора с полным знанием дела. Как нищий о миллионе, которого у него еще нет, но уже никогда не будет.

* * *

Сатирический писатель ищет в жизни положительные явления. А если пишет об отрицательных, то потому лишь, что ищет пристальнее других.

* * *

Жизнь достаточно продолжительна, чтобы успеть исправить старые заблуждения, но недостаточно коротка, чтобы не успеть наделать новых.

Семен ПИВОВАРОВ, бывший командир артиллерийской батареи

Диетическое

Теперь уже сомнений
нет:
От соли много всяких
бед.
И появилась
миграмма,
В которой соли нет
ни грамма.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва, Ц, Цветной бульвар, 30. Телефон для справок: 200-24-17

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, А. ГОЛОВЧАНСКИЙ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Ю. ДРУНИНА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.

А—10725 Типография «Литературной газеты»: Москва Ц, Цветной бульвар, 30 Зак. 448 ИНДЕКС 50067